

Лисса Мун

«Посев научный взойдет
для жатвы народной»
Менделеев

КЛЮЧИ ОТ
ИМ-ДИМЕН

Лисса Мун

Ключи от Им-Димен

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68294906

SelfPub; 2023

Аннотация

Я пришла издалека. Из другого мира или даже другой жизни. Все кажется знакомым и одновременно чужим. Старое здание школы. Странные правила, запрещающие чувства. Непроходимый лес вместо города-миллионника. И почему я живу с парнем, которого не помню?! Цитадель цивилизации Им-Димен распахнула парадные двери. Но ключи от остальных придётся искать самой! Как же я тут оказалась? И куда пропали связанные воспоминания?... От автора: Квест по цитадели цивилизации. Загадки, любовь, химия между героями, юмор.

Содержание

Пролог	4
Глава 1, где я просыпаюсь в обшарпанной общаге	9
Глава 2, где всему виной пары этанола	34
Глава 3, где появляются знакомые двери и огромные звери	54
Глава 4, где из-за ссоры в библиотеке понадобился ключ	69
Глава 5, где потерянный ключ толкает к действиям	78
Глава 6, где тихая охота превращается в опасную погоню	103
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Лисса Мун

Ключи от Им-Димен

Пролог

Удобные брюки и повседневная блуза лучше годились для такого важного дела. Но женщины надели длинные юбки, что больше подходило для сегодняшнего праздника. В них путались ноги, и шаги получались неловкими. А сотня мелких ступеней вводила под самую крышу.

Мария раздраженно выдохнула, подобрала подол и заткнула его за пояс. Так стало намного удобнее.

– И зачем я тебя послушала? Все равно нас никто не видел, – проворчала она.

– И хорошо, если так. Он не должен догадаться, что ты помогла мне. И ей.

– Я ошиблась.

– Знаю, Мари.

– Просто сделаем его план неосуществимым, – решительно выдохнула Мария и поджала и без того тонкие губы.

Дыхание сбилось еще после первых двух пролетов. И добравшись до самого верха, женщины некоторое время медлили. Цеплялись тонкими пальцами за стены и разглядыва-

ли потертую металлическую дверь. Коррозия брала свое, и даже в основном корпусе здания оставались закутки, где детали выдавали значительный возраст постройки.

– Ключ у тебя? – Мария поковыряла пальчиком выпирающую личинку замка.

– Здесь.

Хруст до упора, поворот, щелчок – из-за приоткрывшейся створки послышались аплодисменты. Женщины по очереди протиснулись в узкую щель и теньями расползлись каждая в свою сторону.

Акустика зала доносила под купольный потолок тихие смешки и перешептывания зрителей. На сцену стекалось все больше мастеров. Но тем быстрее требовалось отключить установку! Как только закончатся поздравления – секрет будет раскрыт.

В самом центре потолка к балкам крепилась огромная спица. Она вырастала из пола далеко внизу, светилась диодными дорожками примерно до середины, а на конце раскрывалась снежинкой. Каждый лучик был надежно прикреплен к каркасу купола.

Подошвы туфель норовили соскользнуть с металлических решеток, что опоясывали зал по периметру. Но руки цеплялись за поржавевшие перила. Мария прежде не лазила так высоко, но заставляла себя смотреть только вперед, чтобы не передумать, когда добралась до узкого мостика из арматурной решетки.

Олика уже ковыряла прикипевшие гайки в центре конструкции. Мария зажмурила глаза и медленно заскользила вперед. А когда приоткрыла один, столкнулась нос к носу с напарницей. Они побоялись идти друг за другом по застарелому каркасу, но встреча в центре была неизбежна.

Мария стиснула зубы, достала из поясной сумки припасенный инструмент и принялась за дело. И если первые четыре гайки поддались довольно скоро, пятая отвалилась вместе со шпилькой и полетела вниз!

Женщины замерли и уставились на сцену. Девушка уже там! С такой высоты она казалась совсем хрупкой, напуганной. Светлые волосы шалью укрывали плечи.

Упавшая деталь осталась незамеченной, но не успела Мария повернуться к следующей гайке, как лампочки на столбе мигнули и с угасающим «Пи-и-и-и-у!» потухли. В зале воцарилась гнетущая тишина.

– Уведите девушку! – проревел до мурашек знакомый голос от ступеней, ведущих на сцену.

– Сид! – неожиданно крикнула Олика.

Мария чуть не сорвалась вниз – руки вспотели, сердце гудело в ушах, как мотор тяги в лабораторном шкафу!

– Стой тут, – прорычал Сид и метнулся к девчонке.

– Убери руки, Сид! Она сама выбрала сторону. Хватайте ее.

Олика спешно перелезла к следующему лучу и остервенело дернула гайку, пытаясь обогнать происходящее. Мария

метнулась к последнему.

Обе женщины отметили, как потяжелела голова, как закололо кожу на руках, как мурашки пробрались под одежду и вгрызлись в плоть.

Но теперь зал погрузился в полнейшую темноту!

Внизу началась возня, невнятные вздохи. Мария тоже хотела кричать от непривычно ярких пятен перед глазами. Каждый вдох казался болезненным, воздух обжигал легкие. Пальцы вцепились в ненадежные перила – только бы не сорваться вниз!

Металл под ногами мелко задрожал. Скрежет, надвигающийся со всех сторон, заглушил гомон. Внизу появилось блеклое пятно света.

– Сверху! – выкрикнул кто-то.

Металл снова завыл, и гигантская конструкция ухнула вниз! Мостки трянуло. Посыпались куски металлоконструкций. Соединения не выдержали нагрузки и крошились, словно вчерашний батон.

– Мари! – в истерике крикнула Олика. – Дай руку!

– Оли! – Слезы смазали отчаянный вопль.

Мария хваталась за перекладины, но балка стремительно складывалась пополам. Кожа с ладоней осталась на ржавчине. Олика побежала в обход, чтобы добраться до сообщницы иначе. Зацепила юбку ногой и повалилась вперед, заставив хрустнуть очередное соединение.

– Он не сделает этого без меня! – взывала Мария. – Слы-

шишь, Оли? Я тут не нужна!

Но Олика не слышала – вокруг нее надсадно стенал убитый временем металл. Норовил стряхнуть ношу, кланяясь зрителям далеко внизу.

Глава 1, где я просыпаюсь в обшарпанной общаге

Я лежала под мягким пуховым одеялом с закрытыми глазами, все еще находясь в сладкой неге после сна. Из окна справа лился прозрачный солнечный свет. Он ощутимо щекотал нос и пригревал слегка подмерзшие щеки. Но в теплом коконе было уютно. Левый бок так и вовсе прижимался к горячему мужскому. М-м-м.

Я блаженно потянулась, переворачиваясь и обнимая его рукой. Коленкой нащупала крепкую ногу. На миг показалось, что более худощавую, чем раньше, но рассуждать не хотелось. Окутанный бледным туманом разум пытался снова и снова провалиться в сон. Губы привычно скользнули по обнаженному плечу. Ладонка огладила рельеф на груди и спустилась на крепкий живот. Так уютно и одновременно волнующе. Сонное воображение нарисовало красочное продолжение, а тело тут же отреагировало, послав вскачь по коже сумасшедшие мурашки. Они собирались группами в районе груди и на внутренней поверхности бедра, переползая на самое чувствительное место. Губы горели, требуя поцелуя.

Сон смешался с явью, и я уже игриво покусывала мочку мужского уха, прижавшись теснее. Он не шевелился, навер-

ное, спал. Но мне это не мешало, оказалось, что рука давно нащупала затвердевшую плоть. Я невнятно мурлыкнула, лизнув шею благоверного, потерлась носом о подбородок, подбираясь к вожаемым губам. Пришлось даже вскарабкаться повыше, чтобы накрыть его расслабленный рот своим. Бедрa же сползли к его теплым бокам, а разгоряченное лоно, захваченное мурашками, соприкоснулось с его кожей.

И зачем он все еще спит? Ладно, пусть и я тоже буду все еще во сне. В таком сладостном горячем сне! И не открывая глаз, я страстно впиалась в податливые губы. Внизу все сжалось в тугую пружину, требуя немедленных активных действий. Все или ничего!

Я зажмурилась от предвкушения приятного слияния и...

Вскрикнула, приоткрыв глаз, но тут же вспомнила, что я в иллюзии страстного сна, раз уж у нас такая утренняя игра, и кто-то притворяется спящим. Но возникшая неожиданно боль поумерила пыл. Впрочем, я не останавливалась, в процессе пытаюсь понять, что произошло и почему вдруг такой дискомфорт? И когда любимый наконец-то вышел из оцепенения и издал глухой довольный рык, по телу разлилась сладостная истома.

Я удовлетворенно рухнула на подушку, разметав выбившиеся из косы волосы. Облизнула губы, выравнивая дыхание.

Стоп! Косы? Какой еще косы? Не было у меня вечером никакой косы!

В ту же секунду я широко распахнула глаза и приняла сидячее положение.

Тишина.

Полнейшая. Ватная. Вязкая.

Справа незнакомое окно без штор и редкие лучи солнца сквозь низкую облачность. Слева молодой парнишка не старше восемнадцати.

Он смотрел на меня ошарашенными глазами, будто не узнавал.

И я его не узнавала.

Это не мой...эм, муж?

Тело прошибла дрожь – острая, как стеклянные осколки. Холодный пот кривыми ручейками побежал по спине и даже груди! Словно страшное осознание ранило кожу.

Я пыталась вспомнить своего мужчину и не могла. Ни лица, ни имени, ни статуса.

Но как я, взрослая женщина, связалась с этим испуганным юношей? И тем более оказалась с ним в одной постели в странноватой...м-м-м общаге? Безликая бежевая краска на стенах просторной комнаты, пружинная кровать, письменный стол, несколько пустых книжных полок, умывальник около входа.

Я отодвинулась на противоположный край матраса и судорожно ковыряла в памяти предыдущий день на предмет внезапных пьянок или корпоративных собраний, но снова оказалась ошеломлена. Ни лица, ни имени, ни статуса.

Сердце разогналось и до безобразия громко колотило в ушах. Я попыталась закричать от ужаса, но вышел лишь сдавленный сип, переросший в истеричный глухой кашель.

– Рэни? – парень растерянно хлопал длинными темными ресницами.

– Где? – прохрипела я.

– Рени, у тебя кровь, – он дотронулся до маленького пятнышка на белой простыне из грубой ткани. – Слишком рано.

Неужели это мое имя? Прозвучало непривычно. Да еще и с ударением на первый слог.

– Это? – я снова проявила чудеса многословия, ведь провал в памяти оказался гораздо занимательнее алой капли.

– То, что ты вытворяла... – Он отвел глаза, вцепившись в край одеяла, будто от одних только воспоминаний снова почувствовал приподнятое настроение снизу.

При этом юноша выглядел очень смущенным и не решался договорить. Впрочем, я хоть и поняла, что рядом не мой мужчина, но особого стыда от содеянного не испытывала. Да и не уверена, что с моим брутальным бородатым качком у нас были официальные отношения, мы встречались много лет, иногда его ночевки в моей квартире затягивались на несколько месяцев, но оставалась некоторая неприятная незавершенность.

– Как ты сказал тебя зовут?

– Рени, тебе плохо?

– Я даже не уверена, что это мое имя. Но чувствую себя

сносно. Похмелья точно нет. И очень надеюсь, что ты объяснишь мне, как я сюда попала.

– Как обычно, по очереди.

– Что-о? – Я почувствовала, как вытянулось собственное лицо, приложила прохладную ладонь к горячему лбу, которая тут же сползла на щеку, прикрыв один глаз. – Знаешь, самое нелепое в этой ситуации – я точно знаю, что не сплю.

Я ждала от него хоть какого-то ответа. А он все так же удивленно хлопал длинными ресницами. Это вообще нормально, что у парня такие ресницы? Пока он думал, я, не стесняясь, разглядывала внешность. Волосы цвета кофейных зерен, а вот глаза больше походили на прозрачный дорогой коньяк. Жилистый, но с хорошо обрисованным мышечным скелетом, наверняка еще раздастся. Лицо правильной формы, нос симметричный, довольно крупный, но соразмерен с нижней челюстью, скуловая кость... Тьфу. Может я патологоанатом? Или врач? Приехала на вызов в студенческую общагу и споткнулась на лестнице, ударившись головой?

– Мариус, – прервал он мои занимательные размышления.

– Мариус, – эхом повторила я. – Мы в психиатрической больнице?

– Рени, скоро завтрак. Надо собираться, а то пропустим. И нет, мы не в больнице. Последние больницы закрылись еще в начале двадцать второго века, когда люди перестали бояться вирусов. Ты не переживай так. Я тоже под впечатлением от случившегося. – Он прерывисто вдохнул. – Почему мы не

делали этого раньше?

– Мм, – я получила новую порцию абсолютного бреда, от чего красноречие сбежало окончательно.

– Если мы никому не скажем, что у тебя кровь... В общем, ты бы могла остаться дольше. Нельзя молчать, если тебе плохо. Но тебе ведь, ты сказала «сносно»? Я буду тебя оберегать. Мы можем даже вместе пойти на завтрак. – Он мялся, не решаясь произнести следующую фразу. – Теперь все не так. Я не хочу тебя отдавать.

– Ладно, – услышала я собственный дрожащий голос.

Спрашивать, куда он собрался меня отдавать, не стала. Очередную порцию идиотизма можно и не выдержать. Разберусь во всем по ходу. Сама осмотрюсь. И как только встречу адекватных, более взрослых людей, тут же отправлюсь домой. Главное, вспомнить, где живу.

На стуле рядом с кроватью нашлось аккуратно сложенное серое платье. Запрятанное внутрь стопки невзрачное белье из простого материала, казалось, сняли с моей прабабушки. Но размер подошел идеально. Лиф платья заковывал под горло, но вместо привычной молнии на левом боку пристроился ровный ряд обтянутых тканью маленьких пуговиц. Юбка ложилась на колени крупными складками, а на поясе завязывался огромный бант. Концы его свободно свисали сзади. Нижняя же юбка без излишеств трапецией прикрывала ноги. Странные носки без пятки со швом посередине плохо облегли щиколотки и топорщились неровными заломами в

грубых кожаных туфлях на шнурках.

Мне показались абсолютно незнакомыми и одежда, и обувь. Но еще больше удивило собственное тело. Оно выглядело чужим: тонкие ноги, выпирающие тазовые кости, упругая подтянутая грудь большего размера, чем раньше. Когда я специально пыталась вспомнить хотя бы предыдущий день – ничего не выходило. Но бессознательно мозг подкидывал уверенные знания о туманном прошлом.

Меня бросило в пот. Я ведь не просто подзабыла вчерашний день – казалось сторонним абсолютно все. Даже воздух пах иначе. И я вдруг припомнила, как в разных книжках героини, как по шаблону, принимались искать зеркало, чтобы рассмотреть себя после странной гулянки накануне! Кто же знал, что и мне эта стратегия пригодится? Все же читать книжки – дело чрезвычайно полезное.

– Зеркало, Мариус, – мне важно убедиться.

– Зеркала есть в вестибюле. Ты готова?

За дверью, выкрашенной коричневым, раздались голоса. Тут же она содрогнулась от настойчивых ударов. Я отпрянула и больно наткнулась на металлическую спинку кровати.

– Это Ильм и Дрю, пойдем, – Мариус дернул меня за руку.

– У тебя сумка? – заметила перекинутый через плечо парня широкий ремень.

– Точно, твои учебники у стола. – Он указал на тряпичную торбу, собранную плетеным шнуром у горловины, в два широких шага преодолел расстояние до нее и схватил сво-

бодной рукой.

Мариус повернул на двери колесико накладного замка и створка плавно вывалилась в коридор, являя всклокоченные физиономии товарищей моего соседа. Один более худощавый и высокий, другой коренастый, но не толстый – напомнили мне бурых медведей после зимней спячки, удивляя очень похожим цветом волос.

– Ты чего копаешься? – ткнул Мариуса в плечо тот, который был с ним одного роста, но тоньше и бледнее, чем походил на ствол вяза.

Мариус запер комнату и неопределенно пожал плечами.

Я заметила на всех троих брюки из такой же ткани, как мое платье, и простые рубашки с воротничком-стойкой. Парни поспешили вперед по широкому коридору, я старалась не отставать.

Озираясь по сторонам, вспомнила, что забыла расчесаться. Опасливо перекинула взлохмаченную косу на плечо, стягивая резинку. Русые волосы со светлыми прядями заставили тело окаменеть. Голова закружилась, и я непроизвольно всхлипнула, распуская тонкими пальчиками плетение.

– А она? – кивнул второй приятель, тот, что был на голову ниже, но достаточно привлекательный.

Я не прислушивалась к предыдущему разговору, занятая переменами в собственной внешности.

– Рени со мной, – пояснил Мариус. – Буду приглядывать.

– И чего в ней особенного? – не понял низкий, нас не

представили. – Девчонка, еще и хнычет.

– Мариус, зеркало? – я тихонько потянула соседа или сожителя за рукав, вклиниваясь в разговор, где меня обсуждали в третьем лице.

– Сначала завтракать, а то не успеем. В вестибюль сходим на перемене.

Перемене? Какой еще перемене? И учебники.

И мне бы хотелось остановиться посреди узкой лестницы, глуповато захихикать и сослаться на большую фантазию, но я точно таковой не обладала. Мне даже книги фантастические никогда не нравились, а уж всякая мистика и прочая ерунда вызывали нервную улыбку. Я, конечно, знала различные вещества, способные породить у человека всевозможные галлюцинации, но не представляла, для чего авторы подобных произведений так издевались над своим организмом. Впрочем, я не пробовала. А поэтому даже предположить не получалось, что кто-то в трезвом уме выдумывал из ниоткуда красочные миры. Я же любила детективные истории и научные труды. Первые тренировали внимательность, вторые рассказывали об интереснейшей реальности.

И откуда я столько знаю о себе другой, если настоящее указывает на совершенно противоположное положение вещей?

В конце узкой лестницы, там, где на моей нетвердой памяти обычно прятался запасной выход, открывалась такая же коричневая дверь с потрескавшимися подтеками краски. За

ней в полутемное помещение без окон спускались три широкие ступени. Единственная лампочка болталась под потолком на черном проводе. В четыре ряда выстроились узкие столы на металлических ножках с такими же лавками. По углам они утопали во мраке.

Мы пробрались к раздаче, над которой дополнительно светила длинная светодиодная колба. Парни взяли по ложке из большого деревянного ящика и получили по тарелке сероватой каши. Я последовала их примеру. Повариха, плюхнувшая на мою тарелку малопривлекательную жижу, не страдала излишними габаритами. А суховатая сморщенная кожа выдавала порядочный возраст.

– Компот-то забыла! – прилетел вдогонку скрипучий голос.

– Я возьму, – спохватился Мариус, подталкивая меня под локоть к ближайшему столу, где устроились его приятели. – Садись.

Вся прежняя уверенность испарилась, как вода в пустыне – в неизвестном направлении. Захотелось робко сжаться в комочек, чтобы никто не замечал моего присутствия. Мерзкая каша не вызывала аппетита, даже живот безразлично молчал.

Справа уселся Мариус, придвинув ко мне стакан с мутной жидкостью, гордо именуемой компотом, и принялся быстро орудовать ложкой. Я же заметила, что в столовой совсем пусто. Две девушки в дальнем темном углу и парень, совсем

мальчишка, за соседним столом.

– Рени, ешь скорее, – поторопил Мариус. – Скоро звонок.

Я молча вздохнула и поднесла ко рту пустую ложку. Теперь-то все ясно, а происходящее – верно. У меня просто случился странный сон о другой жизни, вероятно, белее счастливой и красочной, чем настоящая. Так бывает, когда впечатления настолько яркие, что и не ясно сразу, спишь ли. И фантазия у меня бурная. Разве можно иначе в этой мрачной бесцветной дыре?

Следующая ложка оказалась полной. От неожиданности я подавилась, а из глаз брызнули слезы. Я ловко отерла их рукавом ужасного платья и залпом опрокинула в себя компот. Его сладковатый вкус смыл склизкую кашу в желудок и мне полегчало.

Парни доели быстро, и мы покинули угрюмую столовую, больше напоминающую склеп.

– Нам сейчас в разные стороны, – обрадовал Мариус.

– И куда мне?

– Что по расписанию?

Товарищи Мариуса многозначительно жестикулировали далеко впереди, чтобы поторопить его.

– Где проверить расписание? Мариус, я ничего не узнаю, – призналась на одном дыхании. – Мне действительно нужна помощь. Проводи меня. Пожалуйста.

Он некоторое время молча разглядывал мое растерянное лицо, поднимая и опуская брови, словно тщательно переже-

вывал мысли.

– Пойдем, – выдохнул, прикрыв чайные глаза, и махнул друзьям. – Только до девчачьей стороны.

Лестница вывела в широкий проход, окончившийся просторным вестибюлем с окном в левой стене. Там же уходил в сторону узкий коридор с множеством потертых дверей. Мариус остановился в проеме.

– Тебе туда, дальше разберешься.

– Как?

– Увидимся в обед. Или на перемене. Отведу тебя к зеркалу, – он хотел дотронуться до моих распущенных волос, которые после косы струились до самых локтей ломаными волнами, но в последний момент его окликнул высокий.

Я рассчитывала было возразить, но над самым ухом надсадно заверещал звонок!

Да где же я? И на кого учусь?

Огляделась, вновь погружаясь в липкий туман растерянности. Густой воздух с трудом удавалось протолкнуть в легкие, но я усилием воли заставила ноги шагать вперед. Рядом с окном манила заглянуть внутрь приоткрытая дверь, обитая бордовым дерматином.

Узкие парты в четыре ряда, ничем не отличающиеся от мебели в столовой, занимали девушки в форменных платьях, точно таких же, как на мне. Я открыла рот, собираясь спросить дорогу в деканат, но из лаборантской вышла, по всей видимости, преподаватель.

– Ренита, проходи скорее, – она кивнула в сторону свободной парты у стены.

Я резво подобралась и устроилась в указанном месте. На первой, так на первой.

Пока я копалась в торбе, соображая, что из содержимого может понадобится, со стороны преподавателя раздался грохот. Водрузив на стол швейную машину, она торжественно обзревала аудиторию! Невольно приоткрыв рот, я озадаченно рассматривала агрегат, но в итоге переключилась на женщину. Строгий костюм с юбкой в пол того же стального цвета. Но под хорошо посаженным по фигуре пиджаком виднелся жилет и белая блуза с воротником, уложенным по обе стороны аккуратными рюшами. Под горлом прямо посередине складок сверкала мелкими бусинами причудливая брошь с кожаными лепестками и вышивкой – настоящее произведение искусства среди окружающего мрака!

– Сегодня приступаем к непосредственной практике! – прокомментировала преподавательница. – Начнем с воротничков и нижнего белья, после чего перейдем к юбкам и платьям.

Я в швейном училище?

Вероятно, мое выражение лица оказалась крайне загадочным, ведь со следующей фразой мастер швейного производства обратилась ко мне.

– Ренита, будешь первой за машинкой. Девочки, надеюсь, вы не забыли, как заправлять нить! А теперь доставайте за-

писи, начнем чертить и кроить, если не вышло во время самостоятельной подготовки.

– Ши Наталис, – руку подняла статная брюнетка с прямыми как стержень волосами, собранными в хвост. – Я тоже подготовила.

Я надеялась, что девушка обратится к преподавательнице по имени, но разобрала не всю абракадабру. Поэтому старательно выискивала в торбе хоть какой-то намек на швейные принадлежности и таки нашла! В кусок белой ткани, кажется точно такой же, как некстати всплывшая в воспоминаниях запятнанная простыня на кровати, были завернуты аккуратно вырезанные кусочки. Я расстелила детали на парте, пока преподавательница проверяла наличие подготовки у остальных.

– Что ж, – подвела итоги Ши. – Самара, заправляй нить. Ренита, проконтролируй!

Я что, простите?

Но высказаться вслух не решилась. Молча поднялась с неудобной лавки и отправилась к агрегату.

– С остальными: сложите лоскут пополам. Да, вот так.

И мне бы сразу все прояснить и попросить проводить в деканат. Но внутреннее ощущение подсказывало, что так с порога заявлять о своей невменяемости в незнакомой обстановке не стоило. Люди не теряли память на ровном месте, а значит произошло что-то очень неприятное для меня. Или же я увидела нечто непопознанное, и мне выдали лекарство

от лишних воспоминаний.

Бред! Все показалось абсолютнейшим бредом. Но Самара три раза обмотала нитку вокруг пружины, рискуя застопорить весь механизм с самого начала, чем отвлекла от маниакальных рассуждений.

– погоди, после тарелочек надо продеть в лошадку, – вырвалось у меня на автомате.

Я зажмурилась и хлопнула себя по лбу. Какая еще лошадка? И готова была уже рассмеяться, чтобы как-то сгладить неловкость момента, превратив полнейшую околесицу в шутку, но Ши выдала моему сумасшествию положительное подкрепление:

– Все верно. Самара, посмотри на тарелочки.

Девушка недовольно запыхтела, сжав красиво очерченные губы в тонкую полоску.

– Давай покажу как, – предложила тихонько, чтобы не отвлекать преподавательницу на наш недокормленный зоопарк, но руки чесались сделать быстро и правильно.

– Я хочу сама, – шепнула Самара и с недовольством сдалась. – Но если ты покажешь разок, то дальше справлюсь.

Я тихонько возликовала. Мышечная память никуда не исчезла – руки ловко обвели нитку по всем препятствиям, будто я делала это огромное количество раз. Мохнатый кончик произвольно отправился в рот, а вынырнув оттуда, устремился в узенькое отверстие на конце иглы. Пальцы левой руки проворно подцепили его, вытягивая на другую сторону и

одновременно заводя под фигурную лапку.

– Ты ведь можешь сделать это медленно? – напряженно попросила Самара.

– Попробую, – дружелюбно улыбнулась, бесцеремонно присаживаясь на краешек стула. – Пока Ши не видит, можем хоть сто раз попробовать. Или если видит, то тоже можно?

– Ши Наталис?

– Как? В смысле, да, она.

– Ты у Наталис в любимчиках, – усмехнулась Самара. – Ты и ответь.

– Это имя ее? Наталис? – прошептала тихо-тихо, сама еле расслышала, но очень уж страшно откровенно выдавать свою амнезию. – А «ши» – это что? Она? С английского?

– Рени, ты чего? Я половину не поняла, – Самара хлопала густыми ресницами-щеточками и тарачила зеленоватые глаза.

– Вот и я половину не понимаю. Бóльшую половину, – но вновь испугавшись, добавила. – В смысле, меньшую. То есть совсем не половину, а так.

– Как так? – Вот тут у Самары вспыхнул суетливый огонек любопытства.

А мне нечего было ответить. Я и сама бы хотела знать: как так? Я тяжело вздохнула, повернулась к машинке и медленно повторила процесс. Самара пожала плечами, мол, не хочешь – не говори, и старательно пропихнула нитку между тарелочек.

Пока Самара пыхтела, я успела поразмыслить. Терять мне оказалось нечего, да и прояснить происходящее не мешало. А вернее – давно пора!

– Мы ведь не друзья? – уточнила для полноты картины.

– Нет. Ты невероятная всезнайка.

– А ты, видимо, невероятная язва, – парировала с тихим смешком.

– Не без этого, – Самара не обиделась. – Но ты раньше со мной не разговаривала. Ты вообще мало с кем общалась. Больше с учителями.

– Все интереснее и интереснее, – пробормотала себе под нос, но Самара, конечно же, услышала. – На кого мы, говоришь, учимся? И где?

– У тебя что-то случилось, да? – Соседка по стулу заговорщически завертелась по сторонам.

Я пожала плечами, но затем растерянно кивнула.

– Помоги мне разобраться, что к чему. Пожалуйста.

– Прекрасно! – наши перешептывания громогласно прервала подкравшаяся сзади ши Наталис.

На миг мне показалось, что сердце выскочит через горло и упорхнет под потолок испуганной голубкой. Ну разве можно так тихо ходить?

– Несите заготовки, – скомандовала ши.

Я быстро схватила выкроенные кусочки будущего воротника, и Наталис взглядом велела садиться за шитье. Я не припоминала, чтобы хоть раз имела честь общаться с мон-

струозной машиной, но мышечная память говорила об обратном. Вероятно, в недавнем прошлом я владела агрегатом в совершенстве. Но страх пристрочить пальцы к белой ткани щекотал в груди неприятным холодком.

Самара пристроилась рядом и внимательно уставилась на мои руки. Неужели и однокурсница забеспокоилась о худоватых конечностях?

Глубоко вдохнув, я смежила веки и нажала на педаль! Здравомыслящий человек точно посоветовал бы глаза открыть шире, но я взывала к загадочным механизмам психики и тела. Да и особой адекватностью в последние часы не страдала.

Машинка издала натужный рев и застучала челноком. Один глаз я все же приоткрыла, но дышать побаивалась, дабы не спугнуть неведомые навыки заправской портнихи. Пальцы ловко подсовывали ткань под лапку, прямо на ходу поворачивая и совмещая засечки. Я будто со стороны наблюдала за виртуозной работой, даже интересно стало! Увлекательное занятие, когда само получается.

Ши Наталис похвалила меня и отправила за парту проделывать дальнейшие операции с воротником, названия которых я не знала, но надеялась, что все тоже получится как-нибудь без моего сознательного участия.

Пара протекала в атмосфере тихого коллективного творчества. Я втянулась, и в какие-то моменты начало казаться, что все знакомо. Жизнь размеренна и нормальна. Ши Ната-

лис задавала вопросы, я отвечала, зная правильные ответы. В памяти промелькнула картина, как я делала маленького мехового лисенка, подтыкая толстой иглой уголок уха в ручной шов. И когда я попыталась осознать себя там, наваждение слетело. Я запуталась. Будто воспоминание прорвалось из прошлой жизни или и вовсе не моей. Как кадр из любимого фильма, засмотренного до дыр.

– Кто захочет доделать задание после уроков, может прийти, я буду в мастерской, – предложила ши Наталис, когда в коридоре продребезжал скрипучий механический звонок. – Рени?

– Я загляну, – пообещала неопределенно, решив до обеда окончательно осмотреться.

А если к вечеру ничего не прояснится, можно будет сдаваться Наталис.

Так как я понятия не имела, куда идти и что делать, поспешила за однокурсницами.

– Хорошо, – в дверях меня нагнала Самара.

Я вопросительно подняла брови.

– Я помогу тебе, – тихо, почти не шевеля губами, объяснила она. – Ты странная. Словно и не ты. И это тоже странно. А у нас всегда все спокойно и обыкновенно.

– Тогда, – я поджала губы, обдумывая, признаться ли во всем сразу или выдавать информацию постепенно. – Ты просто рассказывай мне обо всем вокруг, ладно?

Самара серьезно кивнула и направилась по узкому кори-

дору к незнакомой лестнице. Девушка казалась выше меня и шире в груди. И не стала задавать лишних вопросов – это и подкупило.

– Я не помню, кто я и где, – шепнула ей в плечо.

Самара остановилась и оглядела меня с головы до ног, а потом обратно.

– Никогда о таком не слышала, – она растерянно ухватила меня за локоть и повела вниз по лестнице, а на первом этаже мы свернули в новый коридор. – Мы в Им-Димен. Но если ты вздумала надо мной подшутить, Рени, то ведь не считаешь же, что это сойдет с рук?

– Какие уж тут шутки! Я проснулась в обнимку с незнакомым парнем и... – Закрыла лицо руками, соображая, что все же утреннее происшествие было крайне неосмотрительным. – Я даже имени своего не помнила. Думаю, мне надо домой. Я чувствую, что меня где-то ждут, может, волнуются. Где ты говоришь этот Им-Димон?

– Ренита, притормози. Где ждут? Им-Димен – наш дом.

Меня будто опрокинули в прорубь. Прямо в одежде, которая вмиг стала невероятно тяжелой. Она давила, стремясь сжать тело до размеров песчинки, и тянула на илистое дно.

В носу противно защипало. Это слезы, которым нельзя капать из глаз. Им вообще нельзя.

– Все-таки психушка, да? – обреченно воззрилась на округлившую глаза девушку.

– Им-Димен – крепость. Цитадель цивилизации.

– Точно, психушка. И давно я тут? А ты?

– С рождения, Рени. Мы все выросли в Им-Димен. Там вокруг ничего нет на многие километры.

Вот тут я, кажется, споткнулась. Или просто пошатнулась, что Самаре пришлось схватить меня крепче. Попыталась хлопнуть носом незаметно, но получилось очень громко. Слишком настырно кололи острые иголки отчаяния в переносице, разбегаясь к скулам, и противно спускались в горло каменеющей лавой.

– Сколько тебе лет? – с глубоким вдохом прикрыла глаза, чтобы подавить рвущиеся наружу эмоции.

– Восемнадцать, – Самара участливо поглаживала меня по плечу. – И тебе. Есть еще три класса, самым младшим по пятнадцать. С тех пор не рождалось больше детей. Этого ты тоже не помнишь?

Я лишь помотала головой. Откуда? Я ведь... С утра я проснулась с уверенностью, что мне не меньше тридцати!

В отдалении задребезжал звонок. Самара затащила меня в огромную светлую аудиторию. Столы на металлических ножках перемежались стеллажами. К каждому крепились яркие вытянутые лампы, под которыми нежились в теплых лучах разномастные горшочки и контейнеры с растениями. Около огромной выцветшей доски притулился преподавательский стол с мягким стулом. Свободных парт не было, но мы с Самарой уселись на табуретки, разложив вещи подле горшков.

– На кого мы учимся? – шепнула соседке.

– Мы учимся всему, что пригодится для выживания, – огорошила Самара. – У парней свои дисциплины. Но есть и общие, два раза в неделю.

В класс вошла высокая худощавая женщина в кожаном фартуке с широкими карманами. Ее кудрявые волосы были собраны в высокий недлинный хвост, больше походивший на помпон прямо на затылке.

– Ши Лора, – пояснила Самара. – Преподает агрокультуру.

– Ботанику? Растениеводство?

– Да, растениеводство. Но предмет, сколько я себя помню, называется агрокультура.

Я удивилась, что значения слов претерпели изменения. Но в понимании происходящего начала складываться, пока очень мутная, но все же общая, картина.

Ши Лора велела запоминать наизусть необходимые пропорции питательных веществ для выращивания томатов на разных стадиях развития. Потертые карточки были покрыты подробными таблицами с концентрацией рабочих растворов. А вот каких-либо тетрадей я ни у кого не заметила. Впрочем, учить элементы и цифры выходило не так уж сложно. Даже промелькнула призрачная мысль, что я всегда занималась чем-то похожим. Химия или биология? Может гидропоника?

Сам собой из груди вырвался протяжный вздох. Ведь, оче-

видно, что занималась я уроками выживания. С самого рождения и по сей день. И понятное дело, они казались знакомыми и привычными. Но почему-то моя внезапная амнезия пыталась внушить, что я из другого мира. Или хотя бы другого времени! Будто моя настоящая реальность совсем иная. А моя жизнь до сегодняшнего утра безоблачно протекала далеко отсюда.

– Не переживай, – по-своему интерпретировала мое пыхтение Самара. – Не все же будут растить помидоры. Станешь шить одежду – у тебя здорово получается. Но если понадобится, таблицы никуда не убегут. Уверена, взрослые тоже в них подглядывают. – И соседка с ободряющей улыбкой толкнула меня плечом.

– Пожалуй, нам стоило подружиться раньше.

На наши хихиканья ши Лора оторвалась от увлекательного занятия: преподавательница тщательно увлажняла каждый контейнер на огромной территории аудитории и подкручивала колесики в системах автополива.

– Меня тоже вдохновляли растения, когда я училась в последнем классе. – Ностальгия нарисовала на ее лице мечтательную улыбку. – В них наше будущее. Весной еще увеличим площадь посева. Когда закончатся запасы, прокормиться можно будет только с их помощью.

У меня снова сам собою открылся рот. Так, пора завязывать с произвольными реакциями. Эмоции важно хорошо контролировать. Это я запомнила четко. Женский голос в

далеких неясных воспоминаниях: «Сдерживайся. Кому нужны твои слезы?» – прорывался даже сквозь запертую дверь моего прошлого.

– Так, девочки, если все готовы, выходим в теплицы, – скомандовала ши Лора. – Пройдемся по всем стадиям.

Однокурсницы засобирались. В противоположной от входа стене белели окна и двустворчатые стеклянные двери, словно подернутые легким инеем, ведь рассмотреть улицу не удавалось. Но девочки столпились именно там. Я же наконец обратила внимание, что в группе не больше пятнадцати человек. Все в одинаковой форме и нелепых кожаных туфлях.

Прямо за матовыми дверями начинались огромные теплицы с округлыми крышами. Никакого выхода на улицу. Каркасы плотно примыкали к оштукатуренной стене здания и ровными рядами уходили вдаль. Мощные прожекторы добавляли яркости в пасмурный день. А сквозь полупрозрачный потолок виднелись угрюмые тучи.

Мы торопились за ши Лорой мимо огуречных плетей и кабачковых кустиков. Узнавала я их исключительно по аппетитным плодам. После мерзкой каши на завтрак, вид нормальной еды, пусть и в первозданном облике, запустил каталитическую реакцию в пустом желудке.

Между растений змеились черные шланги в сетчатой оплетке, вероятно, для подачи воды. Вдалеке люди собирали урожай с пушистых низкорослых растений. Мне не удалось разглядеть овощи или ягоды. Но сам агрокомплекс

производил впечатление хорошо отлаженного предприятия.

Пока я отвлекалась по сторонам, ши Лора привела группу к томатным посадкам. Ароматная листва зеленела над головой, а внизу на подвязанных к шпалерам стволах краснели плотные грозди ровных глянцевых плодов. Набрался полный рот слюны, которую пришлось шумно сглотнуть.

– Так как томат многолетнее растение, – начала лекцию ши Лора. – Даже на стадии созревания плодов происходит непрерывное цветение и налив новых. Конечно, если достаточно питания. Наша задача в это время проследить, чтобы почва не истощалась. Как только снимут красные помидоры, в бочку с раствором тут же поступит концентрат из таблицы три, – преподавательница указала на огромный пластиковый бак, закрепленный в начале ряда на высоте человеческого роста.

Мы блуждали между посадок, запоминали что к чему, и даже помогали подвязывать молодые растения. Пальцы покрылись едким коричневым соком, но запах приятно будоражил обонятельные рецепторы.

А я начала склоняться к версии, что в прошлой жизни все-таки была врачом! Иначе откуда мне было знать о капельницах на поливочных шлангах, выходящих из подвешенных баков? Но разумный ответ напрашивался сам собой – я хорошо училась и внимательно слушала преподавателей. Как там сказала Самара? Последний класс.

Вдалеке прохрипел звонок.

Глава 2, где всему виной пары этанола

Мы с Самарой долго плутали коридорами, перед тем как вышли на широкие мраморные ступени, ведущие в огромный вестибюль!

Так вот ты какой!

Как в королевском дворце навстречу друг другу спускались две лестницы. Площадку между ними украшала восьмиконечная звезда из двух квадратов – бордового и черного. Внутри вырисовывался равносторонний октаэдр. Туда же выводили деревянные двери со стеклом, за которыми прятался актовый зал. Во всяком случае, так гласила облезлая табличка слева. А прямо над ними огромная вывеска с высеченными в камне словами сообщала:

– Посев научный взойдет для жатвы народной, – прочитала вслух, когда мы спустились в центр вестибюля, и грандиозный лозунг предстал во всей красе. – Менделеев. М-да, – последнее добавила от себя.

– Еще бы знать, что он имел ввиду, – с усмешкой прокомментировала Самара. – Я уж и внимания на эту надпись с самого детства не обращала.

Двойной ряд входных дверей манил выглянуть наружу.

Но оттуда стремились внутрь люди в свободной однотонной одежде. Я бы назвала ее бесцветной, но она все же была серой и коричневой, только изрядно запыленной. Мужчины и женщины разного возраста торопились на обед.

– Говорят, тут должны быть зеркала, – вспомнила, пока мы не нырнули в очередной узкий коридор.

– Да, вон там, у раздевалок. Надо?

– Хотелось бы.

Под лестницей нашлась просторная гардеробная, выглядывающая окнами на внутренний двор. В замкнутом периметре бетонные ступени вращались в пожухлую траву. Посередине в небо взмывала стройная лиственница. Пронумерованные крючки на вешалках занимали однотипные плащи с меховыми и вязанными деталями.

К мраморным колоннам, подпирающим высокий потолок, крепились зеркала. Амальгама по углам сморщилась, являя миру прессованную подложку. Но в центре оставалось достаточно нетронутых участков, чтобы я могла рассмотреть чужое лицо.

Острый подбородок. Совсем светлые глаза ровного серого цвета с темным ободком по краю, без которого радужка слилась бы с белком. Удивленно изогнутые брови. Почти бескровные губы, которые легли в красивую улыбку, когда я от безысходности попыталась посмеяться над глупой ситуацией. А на правой щеке запала очаровательная ямочка. Длинные светлые волосы тоже принадлежали не мне.

Из зеркала выглядывала милая растерянная девушка. Со-
всем юная. Очень бледная. Хотелось вытолкать ее на свежий
воздух и накормить как следует вкусными пирожками с го-
рячим чаем из термоса. Живот заурчал на весь вестибюль.

– Да красивая ты, – подбодрила Самара. – И прическа та-
кая тебе больше идет, чем извечная коса. Пойдем уже на
обед.

– Я была брюнеткой, – прошептала одними губами и по-
трогала тонкими пальчиками затылок. – А тут... Тут была...
Словно я все время теребила волосы. Ускользает. Не могу
вспомнить. И я знаю, что звучит бредово.

– На голодный желудок – особенно, – согласилась един-
ственная подруга.

Я сощурилась, собираясь вернуть ответную шпильку, но
Самара бесцеремонно схватила меня под локоть и потащила
к проходу на скрытую боковую лестницу.

Навстречу выскочил парень, чуть не сбив нас с ног.

– Осторожнее! – рявкнула Самара.

А я подавилась воздухом, ведь влетела ему в плечо.

– Рени, я как раз хотел тебя искать! – обрадовался Мариус.

– Ты! – Я уже и забыла, что он пообещал помогать, ведь
удачно подружилась с однокурсницей, или одноклассницей.

У меня не получалось воспринимать эту крепость шко-
лой, скорее университетом, ведь и выглядела она внуши-
тельно. Курс выживания? Ну хорошо. Пусть будет Академия
Жизни.

– Рени, отомри, очень есть хочется, – от размышлений отвлек голос Самары.

– Она тебе докучает? – уточнил Мариус, одарив новоиспеченную подругу недовольным взглядом.

– Помогает, – пожала плечами. – Ты же отказался ступить в женское крыло.

– Да что ты с ним вообще разговариваешь? – вскипела Самара, а мне подумалось, что эти двое что-то не поделили раньше.

– Она сейчас со мной, – припечатал Мариус, метнув на подругу грозный взгляд.

– Ах вот оно что, – Самара усмехнулась. – Это не дает тебе права лезть к нам в коридоре. Отойди с дороги!

Подруга резко дернула меня за руку и со скоростью подпаленного зайца нырнула в проход. Юбка на платье взметнулась вверх, раскрывшись широким солнцем.

– Увидимся вечером, Рени, – растерянно бросил вдогонку Мариус.

– Что это было? – запыхавшись, выдохнула Самаре в затылок, когда мы примчались к маленькой столовой.

Подруга на той же скорости проскакала к раздаче, схватила еду и поспешила за столик в дальнем углу. Я беспрекословно повторила за ней. И когда опустилась на узкую лавку, в темный зал вошел Мариус. Голова сама повернулась, чтобы проследить, как парень преодолел три бетонные ступени, и оценить неплохой за...вид со спины.

– Шею не сверни, – пробурчала Самара.

– Выкладывай, – я, не мигая, уставилась на нее, и не шевелилась, пока она притворялась, будто увлеченно поглощает овощной салат.

Салат! Настоящая еда! А мне приходилось прикидываться, что лучшее блюдо на обед – созерцание одноклассницы.

– Да ешь ты уже! – наконец не выдержала Самара. – Это же парень.

– Очевидно, – я прихлебнула из миски крепкий бульон, а хлеба нам почему-то не полагалось.

– Ты действительно не помнишь? – удивилась она, а я в очередной раз помотала головой. – Мы же с ними даже учимся отдельно. На совместных парах они только косятся, шушукаются и делают какие-нибудь гадости. А когда исполняется по восемнадцать, нас селят вместе! Отвратительно!

– А зачем?

– Пора.

– Что пора, Самара? – я участливо протянула руку через стол, чтобы поддержать ее, тема показалась неприятной. – Я совсем не в курсе. Что мне стоит узнать?

– Все началось, когда исчезла рождаемость. Она давно была низкой и все падала. А пятнадцать лет назад прекратилась совсем. А потом решили, что нужна совместимость. И отбор пар для родительства пошел по определенной схеме.

Я заметила, что салат с моей тарелки исчез слишком быстро. И на этом еда закончилась, а рассказ только начался.

– Раз в месяц нас меняют местами. По графику. – Соседка передернула плечами. – Надеются на гормоны и инстинкты, наверное. Но это мерзко, Рени.

Я невольно вспомнила прошедшее утро. Мерзко не было, ведь я спросонок решила, что рядом мой мужчина. От ярких картин к бескровным щекам подступил жар. А следом я сообразила, что кровь на простыне все же была неспроста.

– Это ужасно, – выдавила, борясь с осознаниями.

– Вот именно, – подтвердила Самара. – Поэтому мы с девочками договорились. Не разговаривать с ними. И не подпускать к себе. Если ты понимаешь, о чем я. – Голос ее сорвался на несчастный сип.

Испуганные мурашки разбежались от макушки до пяток, заставляя сердце трепетать ближе к горлу. Я, конечно, понимала. А еще я поняла, что сама того не ведая нарушила их договоренность.

– С ума они там все посходили, – заявила Самара, погрозив пальцем в потолок, и с энтузиазмом проглотила последние капли бульона. – Говорят, в древности этим некоторые страдали. Вот и нашим Верховным пора уже к праотцам. Или сами пусть над рождаемостью трудятся. А мы уж как-нибудь без них разберемся, как выжить.

Подруга так распалилась, что на нас начали коситься из-за соседнего стола.

– Отведешь меня к ним? Я сначала решила, что у вас есть ректор, и он главный. Мне надо понять, что произошло, как

я тут оказалась и почему ничего не помню. Или есть другие адекватные люди? Здесь едят только ученики? Где все остальные?

– После пар отведу тебя к куратору. Сразу к Верховным не пустят. По всем вопросам мы обращаемся к ши Арелии. А общий зал в другом месте. Там важные разговоры. Наш подвал для классов. Но весной переселимся и мы.

– Очень подозрительно, – резюмировала сказанное Самарой. – А что Наталис? Мне показалось, что ей тоже можно признаться.

– Тебе виднее, Рени, – снова повторила подруга. – Ты проводила у нее много времени дополнительно. Вероятно, она знает, что с тобой случилось. Попробуй к ней.

– Так, еще мне нужен распорядок дня. Часы, телефоны – чем-нибудь пользуетесь? И самое главное: как вы докатились до такой жизни? Где находится Им-Димен? И почему вокруг пусто?

– Не то, чтобы совсем пусто, – растерялась Самара. – Лес и разрушенные здания. Дикие животные. Много опасных ветхих строений и скрытых полостей. За ограду ходить в одиночку нельзя. Каждый год мы отвоевываем у природы немного новых прилегающих территорий для земледелия. Но на тихую охоту выбираемся только большим отрядом. Ты доела?

– Мне бы добавки, – состроила жалостливую гримасу.

– Чего?

– Э-э-э. – Растерянность выбила из головы здравые мысли, но я усилием воли собрала их в кучку. – С едой проблемы, да? Мне показалось, что огурчики-помидорчики в изобилии.

– В бункере были запасы, сейчас они подходят к концу. А того, что удастся вырастить, едва хватает на всех. Но никто не жалуется. Мы стараемся.

– Бункер. Ага, – что-то мелькнуло в памяти.

– Пойдем, еще пара после обеда.

На выходе я невольно повернула голову в тонущий во мраке зал с одинокой лампочкой посередине. Мариус сидел на том же месте, что и с утра, и пристально смотрел на меня. Я сбилась с шага и, споткнувшись о ступеньку, неуклюже вывалилась в коридор.

– Да что ж у вас темнотища-то такая! – ругнулась в сердцах, хоть и знала, что ноги запутались от неожиданного внимания, а не из-за отсутствия освещения.

– Ага, – ехидство в голосе Самары можно было раскладывать по банкам.

Что ж такое-то? Как малолетняя студентка!

А разве я была кем-то другим?

Да. Казалось, будто я случайно попала в юное тело в иной реальности. Невозможный, невероятный абсурд, но единственный вариант, который предлагал мой запутавшийся разум.

Скучная лекция не проливала ни капли света на волнующие вопросы. Органическая химия, применимая к бытовым

нуждам, вызывала зевоту. И чем они занимались в предыдущих классах, если получение уксуса казалось всем остальным высшей магией на последнем году обучения? А демонстрация нейтрализующей реакции гидрокарбонатом натрия вызвала бурный восторг одноклассниц. Вот если бы речь зашла об эфире уксусной кислоты, получилось бы куда занимательнее. Но ши преподаватель об этом интересном веществе почему-то умолчала! А оно, между прочим, всегда имело широчайшее применение, в том числе в фармакологии.

Я так хорошо подремала на паре, что не заметила, как после звонка об окончании Самара притащила меня к очередной облезлой двери.

– Ши Арелия, – кивнула подруга. – С тобой зайти или сама?

– Со мной. И я вообще не знаю, куда потом. И где живу. И чем положено заниматься.

– Я обещала помочь, а не нянчиться. – Самара задрала нос повыше и глянула на меня из-под опущенных ресниц. – Но мне самой интересно, в чем дело.

И она настойчиво постучала. В коридор выглянула молодая женщина, не многим старше нас. Завязанные сзади каштановые выющиеся волосы спускались на плечо. Облаченная в такой же приталенный пиджак и юбку, как у всех встреченных ранее преподавательниц, она производила впечатление строгой гувернантки.

– Девочки?

– У Рениты кое-что случилось, – сообщила Самара, ведь сама я молча разглядывала новое лицо.

– Кто там у тебя по графику? – нахмурилась ши Арелия.

– Ой, да не с ним, – почти перебила ее Самара. – Можно нам зайти?

Куратор сделала два шага назад, пропуская в просторный кабинет с тремя окнами. Самара уселась на колченогий стул рядом с рабочим столом. Я последовала ее примеру, примостившись на ровный табурет, словно недавно выпущенный из столярной мастерской.

– Ренита, что произошло? – Ши Арелия напряженно соединила ладони.

– Нечто странное, – не внесла я никакой определенности. – Будто я не отсюда.

Собственно, я видела эту Арелию впервые, и не то, чтобы не доверяла, но решила присмотреться.

– И откуда же? – Ши несколько раз сосредоточенно моргнула.

– Как часто Вы сталкивались с амнезией в своей практике? – ввернула я невпопад, а куратор снова захлопала глазами.

– Вы надо мной решили подшутить, что ли? – наконец догадалась она.

– Ничего не знаю и не помню, – я не шутила, поэтому собиралась добить фактами. – Но иногда проскакивают причудливые воспоминания о другой жизни, далекой.

– Занимательно, – ши Арелия закашлялась. – Снова добрались до фантастических романов? Их же заперли в хранилище лет десять назад.

– Ши Арелия, да не похоже, чтобы Рени притворялась. Я с ней целый день ношусь, – вставила Самара.

– Девочки, серьезно, – куратор вздохнула. – Бросайте заниматься ерундой. Я все понимаю: молодые, кровь кипит, на приключения тянет. Ну так займитесь делом, которое нам всем поручили сверху. – Она точно так же, как и Самара в столовой, указала на потолок.

– Целыми днями? – вырвалось у меня против воли, хотя стоило опровергнуть догадки куратора.

Вопрос поставил Арелию в тупик, и она удивленно разглядывала меня с открытым ртом. Самара смущенно краснела, высматривая что-то на полу.

– Я хотела сказать, – решила воспользоваться заминкой. – Если Вы знакомы с феноменом потери памяти в стенах Им-Димен, возможно Вы знаете причину. Если мой случай единственный, помогите разобраться. Вдруг со мной что-то страшное случилось? Такое бывает при травмах головы и сильных потрясениях.

– Ох, права была ши Марина, когда предлагала пустить макулатуру на растопку.

– Да не знаю я, где это ваше хранилище! – сдержаться не получилось, хоть я и сообразила, что с эмоциями перегнула.

– Ренита, кто там у тебя по графику? – куратор вернулась

к первому вопросу. – Это какая-то новая уловка, чтобы переехать побыстрее? Храпит он, что ли?

– Мариус? Не храпел он ни разу, когда я у него жила, – опять влезла Самара.

Вот тут у меня внутри забурлило что-то тяжелое и ранее неведомое. Словно расплавленный никель смешался с оловом и забился во все уголки оцепеневшего тела.

– Мариус, – вдумчиво повторила ши Арелия. – Учится хорошо, физическая форма прекрасная, в нарушениях дисциплины замечен не был. Не храпит. – Она многозначительно кивнула. – Надо пометить в личном деле. Тогда вообще не понимаю, в чем загвоздка. Ренита, говори прямо, хватит выдумывать. Я все могу понять. Сама в тех же условиях. Чем обидел?

– Да почему мы вообще о нем разговариваем? Амнезия-то у меня. – Я попыталась состроить несчастное лицо, но куратора не проняло.

– Такого не бывает, Рени. Да и выжили сильнейшие, – невпопад добавила она. – Могу дежурство на кухне на сегодня вписать, если скучно.

– Да не надо, ши Арелия, весело нам, – испугалась Самара, стремительно вскочила и, схватив меня за руку, вытянула в коридор.

– Спасибо, – бросила через плечо, что получилось с изрядной долей сарказма, но оценить выражение лица куратора не успела.

Дверь захлопнулась. Но ясности не прибавилось.

– На верх, – я изобразила излюбленный местный жест, – точно не пустят?

– Попробуй к Наталис, – пожала плечами подруга. – Только на этот раз без меня. И не так прямолинейно.

– А ты куда? На уроке столько рвения к шитью проявляла, а сейчас намереваешься сбежать.

– Я больше на грядках люблю сидеть. Шить буду потом в комнате сама с собой.

– Кстати, где эти комнаты? Столько коридоров, переходов и лестниц, что я заблудилась.

Самара вздохнула, схватила меня под локоть и по пути оживленно вещала, куда придешь, если свернешь в тот или иной проход.

– А вон там женское общежитие. Но мы тут только в перерывах живем, пока за нами места закреплены. До кабинета Наталис на эту лестницу.

У дверей подруга показала выход на нейтральную территорию, откуда я могла бы по памяти добраться до мужского крыла, но именно способность запоминать подвела меня сегодня прямо с утра.

– Разберусь, – бросила нервно перед тем, как зайти в класс.

Ши Наталис перегнулась через узкий стол, за которым совсем юная девчонка с тугой темной косой старательно вывязывала петли на искривленных металлических спицах. Кру-

жок рукоделия оказался очень узким.

– О, вот и Рени, – отвлеклась ши.

– Привет, – обрадовалась девочка. – Садись тоже вязать!
А то холода скоро. Будем самыми красивыми!

– И теплыми, – засмеялась преподавательница.

Я улыбнулась и взяла заботливо протянутые мне спицы и клубок грубой сероватой пряжи. Нитка покалывала пальцы, приятно согревая бледные холодные кончики.

– Ши Наталис, – я решила не тянуть, не смогу я сидеть целый час и собираться духом – все или ничего – лучше сразу. – Я либо испугалась, либо ударилась головой, либо меня кто-то ударил. А может использовал на мне запрещенные вещества. Я не помню. Я вообще ничего не помню.

И пока она не успела возразить, вывалила все, что со мной произошло с начала дня, опустив интимные подробности.

– Уксус со спиртом бутылировали на практике? – серьезно посмотрела Наталис, а я неопределенно передернула конечностями. – По программе как раз должно быть. Случалось, иногда, что класс нанюхается, потом ходит не в себе с непривычки. А бывало, парочками после этого начинают бродить. Это сейчас вон, придумали селить вместе по графику, а раньше на случай полагались. И к чему нас это привело? Ладно, грустить не будем. Все наладится, девочки.

– Спирт? – глуповато переспросила я. – Это какая ж непереносимость должна быть, чтоб всю память отшибло? И что делать-то теперь?

– Водичку пей, восстановится. – Ши Наталис сочувственно потрепала меня по плечу.

– А меня Вита зовут, если ты не помнишь, – весело протянула хрупкую ладошку девочка, которая тоже слышала мою душещипательную историю.

Правда, оказалось, вполне бытовую историю. Ничем не примечательную историю, которую я сама наделила в фантазиях мистицизмом. Разгадка оказалась проще лицевых петель на вязаном полотне.

– Приятно познакомиться, – вымолвила на автомате, все еще пытаясь смириться с реальностью.

До комнаты я добралась спустя пару часов ковыряния пальцев острыми спицами. В моем туманном прошлом говорили, что вязание успокаивает. Не заметила подобного эффекта. Но вот мысли во время неспешного занятия утекали далеко по своим делам, а руки действовали слаженным запрограммированным механизмом. В том же зомбированном состоянии я довольно быстро отыскала нужную дверь в мужском общежитии. Мариус что-то мастерил в дальнем углу комнаты, а я просто повалилась на кровать спиной ко всему миру и притворилась, что меня нет.

Через какое-то время сосед звал в столовую, но я тонула в жалости к себе и ненависти ко всему вокруг, поэтому никуда не пошла. Голос, всплывающий в голове, требовал взять себя в руки и не показываться в таком виде никому на глаза.

«Что подумают люди, если увидят, как ты плачешь или,

что еще хуже, злишься?»

Лучше притвориться больной или уставшей.

Стемнело. Я тщетно пыталась уснуть, когда Мариус вернулся в комнату. А точнее, таращилась в голое окно, сквозь которое виднелись лишь черные ветви со скрюченными остатками листьев и темные облака, не пропускающие ни одной светящейся звездной искорки.

– Ренита, я не то, чтобы не хотел. Нам не положено прогуливаться в коридорах девчонок, – оправдания звучали искренне, но любое «не положено» это не «строго запрещено», а значит, со мной такое не прокатит.

– Слушай, мы разве раньше разговаривали?

– Нет.

– Пожалуй, стоит возобновить эту традицию.

И я отвернулась обратно к окну, накинув на плечи одеяло, и уютно заворочалась в тепле. Мариус вздохнул. Я слышала, как он раздевался, а потом затих где-то снизу.

– Ты спишь на полу?

– Бывает. Ты второй день. Вчера с вечера отправила на пол.

– Но с утра ты был в постели.

– Я замерз к рассвету и прилег на край.

– Я обнаружила тебя под одеялом и без одежды.

– Потом стало жарко.

– И ты решил...

– Я спал. А ты с утра накинулась...

– Я помню, что было с утра.

Неловкий разговор прервался. Как взрослый разумный человек, я не могла оставить парня мерзнуть на жестком полу. Второй кровати в комнате предусмотрительно не полагалось. Видимо, в качестве катализатора бурной химической реакции в молодых организмах.

– Если обещаешь ко мне не приставать, я подвинусь.

Серьезно? И кто меня за язык тянул? Спала бы себе на просторе.

Мариус молча зашуршал покрывалом, на котором устроился без особых удобств, поднял его с пола, и отряхиваясь, прилег на самый краешек спиной ко мне.

– Рени, то, что было... – Он вздохнул, но так и не решился продолжить.

– Не повторится? – закончила я почему-то с вопросительной интонацией. – На моем месте скоро будет другая. По графику ведь.

– Да.

– Чудесно.

– Я не хочу, чтобы тебя забирали. Я же уже говорил.

– Может другая тоже согласится? – сама не знаю, зачем его провоцировала, но в тот момент казалось, что все это задевало именно мои чувства, а не принципы молодой девчонки в странном мире. – Когда, кстати, меня переведут?

– После крови.

– Если начнутся месячные?

Парень смутился.

– Чтобы не запутаться в случае зачатия в результатах эксперимента.

– Эксперимент. Ха. Значит, вы тут подопытные кролики. В прямом смысле. Плодитесь и размножайтесь! – процитировала Библию и тут меня осенило. – А библиотека в Им-Димен есть? Или все книги в хранилище?

– Конечно есть. Но там много бесполезных учебников, в древности тут был университет.

– Так это же наоборот хорошо! Как книги могут быть бесполезными? Отведешь?

– Попроси свою подругу, – насупился Мариус.

– Детский сад. Поняла, сама разберусь.

– Рени, я помогу, – он вздохнул и повел плечами. – Я знаю, что у девчонок заговор. Они не желают, чтобы над нами таким образом экспериментировали. Но мы могли бы объединиться. Может, нам удастся что-то придумать. Вместе.

– Да не вместе мы! – У меня внутри что-то лопнуло. – Вы тут живете в этом дурдоме и молча выполняете то, что вам не нравится. Подчиняетесь, притворяетесь, пытаетесь схитрить. А мне лишь надо разобраться, как я сюда попала и свалить обратно! – Я уселась на кровати, обхватив согнутые колени дрожащими от напряжения пальцами.

– Нам всем иногда хочется верить, что раньше жили иначе, и когда-то наступит светлое будущее. – Он попытался ме-

ня приобнять.

– Да не трогай ты меня! – Я сбросила его руку.

– Рени, если ты волнуешься из-за того, что произошло – я никому не расскажу.

– Рени, наверное, волновалась бы, – выдохнула твердо в тщетной попытке взять себя в руки. – Но я не помню ничего из того, что тут происходит. Я никакого прошлого не помню. Но помню другой мир. Когда везде были города и люди, ездили машины, летали самолеты, пыхтели заводы. У меня была работа, точно была. И я спутала тебя с утра с другим мужчиной. Мне давно не восемнадцать. И неужели спирт мог выдать такие галлюцинации?

– Ага. Мне тоже иногда снится...

– Да не сон это!

Он с силой обхватил меня за плечи, а второй рукой прижал мою голову к своей груди. Я пыталась вырваться, но быстро бросила эту затею. Решила не обращать внимания на странное поведение соседа и свои реакции, ведь дыхание пришло в норму, и спорить расхотелось. Мариус улегся, а я так и осталась успокоительно притиснутой к ребрам. Закрыла глаза и старалась ни о чем не думать, скорее забыться.

А может, весь сегодняшний несуразно длинный день – всего лишь дурной сон? Несомненно, очень реалистичный, но все же сон. Фантастический, утопический, апокалиптический – сон! Но он подошел к концу. И я открою глаза у себя дома на любимом бирюзовом диване с полосатым пледом в

маленькой уютной однушке на двенадцатом этаже с видом на Белорусский вокзал.

Глава 3, где появляются знакомые двери и огромные звери

Не разлепляя век, я втянула прохладный воздух. Нос щекотал рассеянный лучик. В памяти отчетливо виделись невероятные приключения в цитадели цивилизации Им-Димен.

И приснится же такое! Сейчас встану, выпью двойной эспрессо и отправлюсь на работу – совсем рядом, даже не придется пользоваться метро.

Всегда любила пешие прогулки, особенно осенью, когда сквозь влажный воздух прорывались ласковые потоки низкого солнца, а цветные листья кружились над головой загадочными птицами. Жаль, в моем кабинете не было окон. Но тем более ценными казались те пятнадцать минут утром и вечером, что я добиралась от дома до места, где проходила большая часть моей жизни.

Я сладко потянулась и задела пяткой волосатую ногу. Мужчина. Мой ли? Глаза резко распахнулись. Яркий свет ослепил на мгновение, мешая сразу сориентироваться в обстановке, но голова повернулась в сторону беззаботно посапывающего под боком тела.

– Мариус! – вырвалось громче, чем рассчитывала. – Но как же...

Наваждение быстро таяло – что первый снег под мелким дождем – вместе с остатками сонной неги. Работа? Кем и где? Я не успела рассмотреть самое важное! Ведь именно это казалось наиболее значимым в прошлом. Или в том месте подсознания, которое жаждало вырваться из мрачного Им-Димен, обреченного на вымирание. Да, каждый в цитадели чувствовал некоторую обреченность. Она витала в воздухе, расплзалась по обшарпанным стенам, преследовала плотными тенями по углам, пробиралась под кожу вместе с утренним холодком.

Последняя надежда жителей саботировалась остатками морали юных девушек. Небольшая община против огромного дичающего мира. И они боролись. Как могли. Но чувствовали тщетность своих усилий. Знали, что просто доживают свой век.

Не тут ли взбунтоваться сокрытому глубоко внутри? Тому, что призвано помогать в любой ситуации. Тому, что запускало неведомые сознанию выживательные стратегии. Тому, что должно сработать вопреки всему. Не эта ли сила пробудилась во мне под страхом вымирания? Генетическая память. Инстинкт, который заложен всем животным, насекомым и даже растениям. Все то, чем они пользовались без ведома разума, я почему-то уразумела. Пусть во снах, пусть в виде странных мыслей словно бы о прошлой жизни. Пусть так. Но, возможно, это не мое личное проклятие, а путь к спасению?

Амбициозно. Бредово. Но приятнее, чем предполагать су-масшествие или отравление этанолом.

Тяжелый вздох вырвался из приоткрытых губ, заполняя просторную комнату густым предвкушением сложной задачи. Мне предстояло выковырять чайной ложкой засахаренный мед из трехлитровой банки. Не ясно с какого боку подступиться, но выполнимо. И данные хлопоты я придумала себе сама. И права была ши Арелия – скучно! Видимо, молодой энергичный организм требовал выплеснуть запасы топлива, чтобы не перегореть изнутри, вот и добавил в мою размеренную жизнь внезапную амнезию.

Запутавшись в умозаключениях, я тихонько сползла с кровати и отправилась на поиски душевых. Их обустроили далеко не на каждом жилом этаже. Им-Димен, погруженный в утреннюю умиротворяющую тишину казался совсем иным. Будто давнишний приятель, он зазывал на встречу в уютный закуток, где удастся пошептаться о сокровенном и вспомнить старые секреты.

Так я забрела в дальнее крыло и спустилась по крошащейся лестнице к широким стеклянным дверям, что уводили в чернеющий коридор с низким потолком. В ладонь легла знакомая ручка, пробрав приятным холодком. Будто каждый день я здоровалась с этой створкой, поглаживая блестящий металл с маленькой выщербинкой.

Дернула. Раз, другой – закрыто. В груди заворочался липкий страх, оставляя неприятную пленку разочарования.

Душ я все-таки нашла. Единственное мыло, которое удалось прихватить в комнате больше походило на коричневый кирпич. А полотенце напоминало холщовую мешковину. Но я просто порадовалась чистой, хоть и не очень теплой, воде из покрытого коррозией крана. Привередничать и жаловаться на уровень комфорта было некому. К тому же меня никогда не смущала некоторая аскеза. Я любила чистоту и порядок, но придираться к градусу воды или цвету пузырьков шампуня не входило в мои привычки.

Вернувшись в комнату, обнаружила недовольного соседа.

– Куда ты пропала, Рени? – Он метнул взбешенный взгляд, как только я протиснулась в приоткрытую дверь, но скрыть нотки тревоги у него не получилось.

– Ходить можно не везде? – Я лишь загадочно улыбнулась.

– Да где хочешь, – Мариус растерялся. – Парни в женское крыло не ходят. Но не то, чтобы совсем нельзя. – Но тут он вспомнил, что злился и снова переменившись заявил: – Но еще вчера ты прикидывалась беспомощной! Я проснулся, а тебя нет. И нет. И нет. И та кровь...

– Я поняла, переживал. Не кипятись. Мне все еще нужно в библиотеку. И узнать бы, где хранятся ключи от тех дверей внизу.

– У ключника. – И как я сама не догадалась? – Но в запертые помещения, конечно, нельзя.

– Конечно, – я пожала плечами, вот ни капельки в ответе и не сомневалась.

– До обеда общая пара. Две, – сообщил Мариус, открывая дверцу низкой тумбочки. – Тут твои вещи. Сегодня спортивная форма.

Я нарядилась в просторные серые штаны и выбеленную рубаху с маленькими пуговками из-под груди до самого горла. Мариус оглядел меня, задержавшись на хитрой застежке, но, вдруг, опомнился и уставился в глаза. Интерес перевесил здравый смысл, и я безмолвно отвечала взаимностью – старательно пялилась, не отрываясь. Даже дышала через раз, чтобы казаться как можно более неподвижной и безучастной.

Но что-то пошло не так. Его ладони каким-то неведомым образом оказались на тонкой талии и прожгли жаром грубую ткань блузы. Я очень хотела возмутиться и вырваться, но гормоны в юном теле запустили цепную реакцию. А я и забыла, как сложно быть молодой девушкой! Руки ужасно мешались, и я положила их на крепкие плечи, так удачно оказавшиеся рядом. Вместо того, чтобы отбиваться, я чуть ли не повисла на привлекательном соседе.

– Отпусти, – прохрипела вмиг пересохшим горлом, даже понадобилось срочно облизнуться.

– Я не держу, – прошептал он мне в губы, не разрывая зрительного контакта, и слегка разжал пальцы так, что мне пришлось схватиться крепче, чтобы не упасть.

Ноги меня никогда прежде не подводили. То ли дело память.

Внезапный грохот в дверь пропустил высоковольтный разряд от макушки до пят! Я вскрикнула и шарахнулась в сторону, будто нас застучали голыми в научной лаборатории.

– Да хватит колотить! – не сдержался Мариус, открывая замок.

На пороге, как и вчера, толклись Ильм и Дрю. Одного из них бесцеремонно отодвигала бедром от выхода Самара. Подруга упиралась обеими руками в косяк и стремилась попасть в комнату первой. Впрочем, Мариус внутрь никого не приглашал.

– Да готовы мы уже, – заявил он товарищам и кивнул мне головой. – Пойдем, Рени.

– Рени пойдет со мной, – встряла Самара.

– Мы можем пойти все вместе, – внесла я инициативу.

Парни скривились, Самара выпучилась и высоко подняла брови.

– Идея не лишена смысла, – неожиданно поддержал Мариус. – Возможно, стоило давно начать.

– Ага, а что вам потом еще понадобится начать? – вызвилась подруга. – Руки прочь! – Она попыталась схватить меня и повторить фокус с молниеносным исчезновением, но Мариус ее опередил.

– Ваше противостояние затянулось, – констатировал он.

– Да неужели? – Самара сверкнула зрачками, как разъяренная кошка, и посмотрела на меня. – Просто кто-то сдает позиции! Что ты еще готова с ними обсудить, Рени?

– Мы можем все вместе что-нибудь выяснить и придумать. Вдруг я не одна такая?

– Какая? – заинтересовался Дрю, тот, что был ниже ростом.

Я отличила его только потому, что Самара в своей борьбе с другим парнем называла имя.

– Ты идешь? – ноздри Самары все еще гневно трепетали.

– Да, – протянула я и шагнула к подруге.

Но рука Мариуса все еще удерживала меня за корпус, преграждая путь. Он нехотя отпустил. Впрочем, и я предпочла бы ощущать приятное тепло, чем стылый воздух темных коридоров.

Парни следовали по пятам. Самара недовольно косилась и рычала сквозь зубы. Так мы и добрались до столовой.

– Сядем с ними? – я умоляюще уставилась на плотные ресницы-щеточки, обрамляющие взор подруги.

– Зачем они нам нужны? – так и не поняла Самара.

– Пригодятся в ходе реакции.

– Узнаю прежнюю Рениту, которой не нужны друзья. Только академические знания и расходный материал. Зануда вернулась?

– Меня не цепляет. – Пожала плечами. – Если вдруг ты хотела напугать или обидеть.

– Не хотела. Это всего лишь правда. Если передумала дружить, делай, что считаешь нужным.

– Нет. Но за вчерашний день возникло больше вопросов,

чем ответов. Уверена, что выясним много интересного, сделав что-то не как обычно. Либо, – я покосилась на Мариуса. – Тебе придется рассказать мне, что у вас с ним было на самом деле!

– Что-о-о? – Лицо бывшей подруги непропорционально вытянулось.

И какой черт дернул меня ляпнуть такое в лоб? Но Самара слишком рьяно отбивалась и чересчур злилась, чтобы все обстояло так невинно, как она преподнесла вчера. И я была убеждена, что в деле осталась некоторая тайна. Уж не такая же, как и у меня?

Самара с грохотом шмякнула тарелку с кашей на стол, где обычно завтракали парни, и демонстративно уселась на край лавки. Я же опасливо пристроилась напротив, в надежде не спугнуть шаткое равновесие.

Неловкая обстановка зарубила непринужденную беседу на корню. Каждый притворялся, что увлечен поеданием серой каши со склизкими комочками. Я с аппетитом черпала полные ложки и глотала, не чувствуя вкуса. Даже выскребла все дочиста. Под гулкое бряцанье приборов завтрак спешно закончился.

Мы все как один встали и по очереди отправили грязные тарелки на специальный стол. И таким же стройным конвейером выплыли на темную лестницу. Самара неслась впереди, я старалась не отставать, а парней возглавлял Мариус. Я слышала, как Ильм и Дрю на бегу перешептывались, но воз-

разить открыто больше не решались. Процессия затормозила только в вестибюле у раздевалок.

Наше дружное появление наблюдала стайка девушек из класса. Тут же пошел шепоток, будто парни пытались догнать нас для очередной издевательской пакости. Трое преследователей присоединились к кучке своего пола, которая сотряслась от богатырского хохота.

– Добилась? – тихо буркнула Самара и кивнула в сторону парней. – Вот так всегда. Блеют, как бараны перед случкой.

Я захихикала – никогда не видела этих животных, особенно в жаркую пору.

– И ты туда же? – подруга обреченно покачала головой. – И на кой я с тобой связалась?

– Скучно тебе, да и язвить больше не с кем. А эти пусть веселятся, нам-то что?

– Ты права, таких терпеливых до тебя не попадалось. Ну так, тебе и деваться некуда. Или я, или они.

– Ты, определенно, лучше, – ввернула, хлопая глазами, пока Самара не успела продолжить. – Но они нужны для одного дела.

Мой заговорщический вид не оставил подруге шансов на возражения. Самара тяжело вздохнула и нехотя сдалась. Впрочем, под ресницами-щеточками уже зажегся озорной огонек любопытства.

– Какого дела? Надеюсь, не того самого? – она ткнула указательным пальцем в потолок.

– Доброе утро, класс! – нас прервал высокий широкоплечий мужчина лет сорока в прекрасной физической форме. – Одеваемся, жду на крыльце.

Он резко развернулся и направился к ряду стеклянных дверей.

Самара дернула меня за рукав и потащила в раздевалку. Подруга указала на крючок с номером двести семьдесят два, где аккуратно висело три комплекта верхней одежды на разные сезоны.

– Бери эту, – она ткнула в бежевую тканевую куртку до бедра с кулисой на талии и капюшоном. – У нас сегодня физическая подготовка. Ним Пирр – абсолютно безжалостный, гоняет до седьмого пота.

– Ним?

– Пирр, – повторила Самара, толкая дверь.

– Мне это ни о чем не говорит. «Ним» это такое обращение, как и «ши»?

– Ага. Видишь, сама догадалась. Или вспомнила. К женщинам старше обращаемся ши, к мужчинам ним.

– Не припомню, в какой культуре встречалось подобное. Видимо, я в альтернативной реальности. Или это от английских?

– Да откуда мне знать?

– Может, на истории изучали? – развела руками, выходя наружу.

Ним Пирр щурился на блеклом солнце, проглядывающем

сквозь сплошную млечную дымку облаков. Воздух казался чужим, но определенно пах осенью. Прохлада забиралась под широкие манжеты легкой куртки и приподнимала незаметные волоски на коже. Впереди виднелась некогда оштукатуренная ограда с металлической решеткой в виде острых пик. Наружу вела арка с пропускным пунктом. За ней уходили вдаль возделанные гряды и обветшалые здания в обрамлении кустарников и деревьев. Я узнавала березы и осины, ивы и ясени. Кое-где вдали мелькала хвоя.

– На спортивную площадку шагом марш! – скомандовал ним Пирр.

Сокурсники зашевелились. Я в некотором оцепенении переставляла ноги и одновременно обзревала окружающее, впитывая новые впечатления о месте. Прямо между нами сустились дворовые собаки-охранники, поражающие размером и крепким костяком. Я интуитивно побаивалась их и жалась к Самаре.

– Вот эта, Лиса, моя любимица. – Новообретенная подруга потрепала по голове огромную лохматую животинку, что кружилась именно вокруг нашей парочки.

Овальное крыльцо переходило в фасад. На уровне второго этажа накренились облупленные буквы: «ИМ ДИМЕН». Казалось, что раньше рядом были еще символы, но время не пощадило надпись, и они обвалились, оставив после себя коричневатый след.

Мы обогнули огромное здание по широкой дуге. Изнутри

я путалась в лестницах и коридорах. Снаружи я хорошо рассмотрела множество ответвлений и пристроек.

Удивили деревянные загоны с покосившимися сараюшками, где сутились разномастные куры, толпились около корыт с кормом буроватые свиньи, неспешно жевали траву рыжие коровы, грязно-серые овцы скучились вокруг набитой сеном кормушки. Там же работали люди. Ветер доносил специфические запахи, но мне они показались естественной гармоничной частью Им-Димен.

Но когда взору предстало вытопанное поле на открытой местности, я поняла, что имела ввиду Самара. Изобилие снарядов, сделанных преимущественно из бревен, так и манило прикоснуться к миру физических нагрузок. Желательно, чтобы только потрогать и отойти на безопасное расстояние.

– Разминочных три круга – вперед! – рявкнул ним Пирр, растягивая «р».

И мы всей гурьбой припустили по периметру. Парни неслись наперегонки, гогоча и подначивая друг друга. Девушки же плелись не спеша. Я старалась нагнать сильный пол, но Самара внезапно дернула за широкий рукав.

– Рени, сбавь темп! – шикнула она. – А то ним Пирр подумает, что у нас лишние силы появились. А так, глядишь, разрешит двумя кругами ограничиться.

Я в замешательстве сбилась с шага и споткнулась.

– Не лучше ли побыстрее пробежать и покончить с этим?

– Он тогда обрадуется и еще нагрузит! – испугалась по-

друга.

– Может, это полезно? Ты говорила, что вокруг лес и дикие звери.

– Ну да, полезно за ограду не выходить в одиночку. – Самара закатила глаза и добавила: – Ты какой-то кошмар, свалившийся на мою голову.

Я хихикнула и пошла на второй круг. Легкие саднило, ноги заплетались, превращаясь в ватные жгуты, но так я чувствовала себя живой и настоящей. Ощущала связь с этим миром, вбирала его каждой клеточкой и получала отклик от непривычного к быстрому бегу тела. Несомненно, моего. Хотелось даже закрыть глаза, чтобы сосредоточиться на жжении в груди и не думать о расстоянии. Но шея ворочалась из стороны в сторону, помогая убедиться, что за забором действительно видно только теряющие зеленый цвет деревья, да блеклые крыши некогда жилых домов.

Вокруг когда-то процветал город. В похожем обитала и я. В прошлой жизни или в другой реальности. Может быть, всего лишь во сне. Но тогда по улицам сновали люди, в ныне мертвых окнах горел свет, а под землей гремели о рельсы поезда метро.

Нет, я не узнавала пейзаж. Но моя амнезия показалась чуть менее безумной. А призрачные фантазии чуть более реалистичными.

За первую пару мы успели опробовать все снаряды. Особенно неудобно в обычных тканевых штанах без добавления

лайкры и эластана оказалось взбираться на стену, пусть и наклонную. Преодолеть ров по скользкому бревну удалось далеко не всем однокурсникам. А еще мы карабкались по ровному стволу вверх. Ноги скользили, кожа на руках грозила остаться на шесте, но ним Пирр внимательно следил, чтобы мы дотрагивались до верхушки.

– От этих навыков зависит ваше выживание на дикой территории, – с энтузиазмом и неизменной строгостью повторял он каждому следующему студенту.

И почему на ладонях до сих пор не появилось грубых мозолей?

На второй паре ним Пирр отвел нас в небольшую пристройку рядом с полем. Деревянный сарай значился оружейной! Настоящие луки, колчаны со стрелами, топоры на длинных палках, которым я не знала названия, дубины и некоторые другие нехитрые виды. Ничего огнестрельного я не заметила. То ли оно не полагалось для учебных тренировок, то ли технология затерялась во времени.

Когда преподаватель выдал нам луки по одному на пару и по две стрелы на каждого, группа вернулась на полигон. Далекие мишени вдоль края крепились в нескольких метрах от забора. Ним Пирр скомандовал построиться и приступать к делу. Объяснять технику никто не собирался. Видимо, я одна оказалась наедине с оружием впервые.

– Ты ведь мне покажешь? – жалобно воззрилась на Самару.

– Указательный палец – над стрелой, безымянный и средний – под ней. – Подруга одновременно выполняла простые движения. – Целишься, локоть в сторону. Этот тоже, чтоб не зацепило. И, пиу!

Стрела со свистом рванула вперед и попала в цель.

– Кажется, что легко. Я ведь хорошо стреляла раньше?

– Раньше ты точно меньше болтала, – подметила Самара и протянула мне оружие. – Пробуй.

Все или ничего – мне нельзя промахнуться!

Но легко не было. Стрела постоянно соскакивала с древка, пальцы путались в струне, локти дрожали. И когда я отпустила тетиву, она шмякнула по руке, вместо того чтобы отправить стрелу в цель.

Радовало одно – я не промахнулась!

– Ну же, Рени, – подбодрила подруга. – Это как пружинка. Заведи и отпускай все сразу.

– Наверное, лук – не мое оружие.

– Ножницы остались в швейном классе.

Самара принялась скрупулезно обучать меня обращению с выданным тренировочным инвентарем. Плавные изгибы не делали его изящным, лишь добавляли грубости и неуклюжести. Но я старалась.

Глава 4, где из-за ссоры в библиотеке понадобился ключ

Уже к вечеру болела каждая мышца на моем худощавом теле. Пальцы на правой руке покраснели и раздулись. Хотелось намазаться охлаждающим гелем и обклеиться согревающим пластырем одновременно. Но все вокруг уверяли, что ни врачей, ни лекарств в этом странном мире не водилось. Я же больше всего на свете желала разобраться в происходящем. И Мариус, наконец-то, проводил меня в библиотеку.

Мы миновали тесный холл со стойками, где раньше выдавали книги. Сейчас же за одним из узких прилавков вчитывалась в брошюру «Грибы средней полосы» высокая женщина с седеющей косой. Несколько разных дверей прямо за ее спиной вели в один и тот же зал со стеллажами. Литературу разрешалось искать самостоятельно.

– Иногда из походов приносят новые экземпляры, – сообщил Мариус. – Берут только ценные. Хотя, было бы интересно узнать, что в других.

– Слышала, часть книг спрятаны в хранилище?

– Тише, – грозно шикнул он и приложил палец к губам. – Лучше даже не обсуждать, а то решат, что мы замышляем туда пробраться.

– Это возможно? – перешла на такой же заговорщический шепот.

– Всего-то нужен ключ, – пожал плечами Мариус и добавил. – Но, если поймают, мало не покажется.

– Что сделают?

– Да разные наказания есть, – пространно отмахнулся он. – Тебе найти устав общины?

– Лучше по истории какие-нибудь книги. Хотя, можно и устав.

– Там. – Мариус бесцеремонно сцапал мою ладонь и потащил вглубь библиотеки.

На полках обнаружили старые хрупкие учебники истории для Высших Учебных Заведений и несколько с цифрами школьной программы. Я открыла первый попавшийся на форзаце.

– Год издания – я жила в то время! – Брови непроизвольно поползли вверх. – А свежее что-нибудь есть?

– Ты что делала?

– Эм, – действительно задумалась, но по всему выходило, что подсознательные воспоминания сохранили эпоху, а вот, где я теперь, понятия не было. – Это давно, да?

– Это самые последние издания. Свежее нет. И да, с тех пор прошло больше трех сотен лет.

– Сколько-сколько? – я перебила, округлила глаза и даже не позаботилась о громкости, с которой вопила.

Вокруг потемнело, полки поплыли в разные стороны, а

пол с неумолимой скоростью приближался к голове. Внезапный рывок, теплые удушающие клещи объятий.

– Рени, ты чего? – лицо Мариуса рядом с моим ухом.

Зажмурила глаза.

Гул в ушах. Вата вместо ног и рук. Острый камень вместо сердца. Жестяная банка вместо ребер. Словно искусственное тело. Запертая душа. Безысходность, опутывающая горячими ранами. Безмерно долгое падение в черный вакуум. Опустошающая боль. Моя.

– Ты сможешь. Ты здесь, и ты там, – такой далекий, но такой знакомый голос без половой принадлежности.

Легкое касание на губах. Внимание зацепилось за жаркое дыхание, скользящее по лицу. Мой собственный вдох с жадным всхлипом. Не видимые снаружи слезы в горле. Не шевелиться. Замереть, чтобы никто вокруг не заметил, что у меня внутри.

Как громко звенит летящая в бездну бесконечность!

– Рени, Рени, – прошептал он имя, такое знакомое, но чужое, и снова поцелуй, нежный, трепетный. – Рени, я знаю, что ты очнулась.

Я разлепила непослушные веки с тяжелыми ресницами. Он отстранился. Взволнованный взгляд с растерянной улыбкой.

– Как ты?

– Не смей больше так делать, – возмутилась, хотела вырваться, но подвижность еще не вернулась. – И спасибо, что

поймал.

– Так ты сама упала, – не понял Мариус.

– А ты воспользовался моей беспомощностью!

Я вскочила на непослушные ноги, подняла учебник и заплетающимися пальцами расправила юбки.

Мариус беззвучно открывал рот, ошарашенный моим заявлением.

– Вернемся к нашим баранам, – попыталась я припомнить, чем мы тут на самом деле занимались.

– Баранов пойдем смотреть? Ты же историю хотела, – вконец растерялся Мариус.

– Так-с, все еще запущенней, чем я думала. История мне нужна после этого времени, – я постучала по учебнику. – Что случилось? Что происходило последние триста лет? Как вы тут жили? Что вокруг? Где остальные миллионы людей?

– О, это не в книгах, – сообразил Мариус. – Есть еще архивные записи.

– Веди. Или можешь рассказать своими словами.

– Основные экземпляры у архивариуса. В библиотеке копии. Там же и устав. – Он шел между стеллажами в сторону низких шкафов с дверцами. – Была эпидемия. Многие заболели и умерли. Это сейчас никто не болеет. А тогда случилось всякое. Человечество боялось бактерий и вирусов. Ты ведь сейчас серьезно? Действительно не помнишь всего этого?

– Мариус! Разве стала бы я спрашивать? Это странно, да.

Но я не в курсе.

– Ученые разработали вакцину, да такую, чтобы организм вообще перестал взаимодействовать с микробами. Это было великое спасение. После вакцинации выжили не все. У многих отказывали органы, другие умирали от отека мозга. Но без этого человечество выкосил бы смертельный вирус. Тогда мир был другим, люди путешествовали на большие расстояния, за один день могли побывать сразу на нескольких континентах. Поэтому бациллы распространялись с огромной скоростью. Не помогало ничего. Мнимый карантин не приносил желаемых результатов. Прививкам сопротивлялись, и эпидемия длилась несколько десятилетий.

– Пугающе, – я увлеклась его рассказом. – Звучит фантастически, очень неправдоподобно.

– В детстве на уроках я тоже спрашивал, откуда появился такой страшный вирус и как люди выживали раньше? – Он проникновенно посмотрел мне прямо в глаза. – Оказалось, что в те времена в лабораториях делали и не такое. Человечество само себя загубило. Вакцина давала пожизненный иммунитет в случае полного курса. Люди победили все болезни. Выжили сильнейшие. Но в следующем поколении обнаружился побочный эффект – снизилась рождаемость.

– Что значит, выжили сильнейшие? Только одна община? Почему вы все собрались в этой точке?

– Остается надежда, что не одна, – голос Мариуса дрогнул. – Но связь утеряна. Нас слишком мало, чтобы совершать

дальние путешествия. На многие километры вокруг дикий лес. – Он помолчал, будто размышлял, что именно сказать следующим. – А почему Им-Димен? Не знаю, Рени. Тут есть все необходимое. Тот же бункер с запасами. Ограда, территория. Говорят, что и лаборатория, где разработали вакцину – неподалеку. Кто первый привился, тот остался жить в знакомом месте.

– Не похож Им-Димен на жилую крепость. Тут скорее было учебное заведение. Или научно-исследовательский институт.

– Может, и так, – Мариус снова пожал плечами. – Я родился здесь и не знаю другой жизни. И ты выросла здесь, Рени. Твои фантазии, скорее, красочные сны. В нашем возрасте это нормально.

И тут я покраснела. Буквально почувствовала, как щеки опалил душный жар. Ведь вспомнились далеко не сны о прошлом, а то, чему молодежь в Им-Димен отчаянно сопротивлялась в нашем бурлящем гормонами настоящем. Но нас с Мариусом объединил общий горячий секрет.

– В нашем возрасте, – тихонечко повторила я еще раз. – Мариус, то, что между нами было... Я не знала, как тут у вас. Я приняла тебя за другого.

– Мы правда будем это обсуждать? Что тебе хотелось бы видеть на моем месте кого-то еще? – он почему-то разозлился. – Может, тогда и помогать тебе его попросишь?

– Я лишь хочу сказать, что это не повторится. Извини, что

так получилось. Но ты бы мог сразу меня оттолкнуть.

– Этого от нас требуют. Мы лишь сделали что должно, – холодно заявил он, взяв себя в руки.

– Вот как? Сдается мне, ты частенько исполняешь свой долг. И в конце месяца придет новая исполнительница. – Не знаю, почему его переменявшийся тон вызвал во мне столько негодования.

– Вот, значит, как ты решила, – он стиснул зубы, выпрямился что было силы и кивнул в сторону полок. – Где библиотека, теперь знаешь, пользуйся.

Мариус резко развернулся и поспешил к выходу. Я растерянно смотрела на его удаляющийся за...на спину. Я заметила, как графично рубашка очерчивала плечи, и идеально сидели брюки. Но остаться одной среди бесполезных пыльных книг было отчего-то обидно.

Из груди вырвался протяжный вздох, взор упал на резные деревянные дверцы. Манящие ручки, изрядно потертые временем, так и тянули прикоснуться к тайнам цитадели. Я тут же попыталась выкинуть из головы странную перепалку с Мариусом и заглянула в ближайший из шкафчиков.

Оттуда выглянули разномастные тетрадки и блокноты, альбомы и скоросшиватели. На обложках значились пугающие даты. Очевидно, писали от руки и на чем попало. И я решила проштудировать все с начала. За окном спешно темнело и на стенах зажглись бледные бра, будто за пыльными плафонами прятались вовсе не лампочки, а огарки оплив-

ших свечей.

Рыжий свет падал на хрупкие страницы, где бледной тенью проступали некогда яркие слова. В некоторых местах текст был написан простым карандашом и сохранился гораздо лучше. Привалившись плечом к холодной стене около светильника, я погрузилась в чтение.

Сводные таблицы урожаев, записи о рождении и смерти, меняющиеся своды правил – летопись содержала все, что по порядку происходило в течении каждого года минувших столетий. Я листала страницы в надежде найти объяснение случившемуся, но по большей части информация выглядела бесполезной.

Темнота коридоров пугала непредсказуемостью. Им-Ди-мен еще не успел стать мне домом, чтобы называть стены родными и уютными. Скорее, он настораживал и вызывал дрожь во всех конечностях.

Дверь в комнату оказалась запертой изнутри. Я робко постучала, в голове промелькнула мысль, что могла ошибиться этажом. Тишина в ответ поддерживала опасения. Повторила более настойчиво.

– Надеюсь, что он тебя проводил, и ты не шаталась без света одна, – распахивая настежь створку, в лоб заявил Мариус.

Я задрала вверх брови и подбородок и прошествовала в комнату, случайно задев его плечом. Получилось, будто толкнула специально. Отвечать не собиралась. Я провела не

меньше трех часов в библиотеке, мог бы и успокоиться за это время.

Дверь с грохотом вернулась на место, щелкнул замок.

– Мне нужен свой ключ, – заявила не оборачиваясь.

– Не предусмотрено, – буркнул Мариус.

– Отвернись, я буду переодеваться. – Не дожидаясь исполнения просьбы, принялась ковыряться с мелкими пуговицами на боку. – Ты говорил, что есть ключник. Где он? Сама к нему пойду.

– Сходи.

Я обернулась и вопросительно уставилась на соседа. Тот все так же неподвижно стоял у двери и пялился.

– Ты не отвернешься? Про ключника у Самары спрошу. Заодно раздобуду ключ от хранилища и от дверей внизу. Я так это не оставлю! И мне плевать, что по вашему странному уставу куда-то нельзя. С чего бы это? Что там прячут такое? Вы тут вымираете, но не достойны узнать всего? Как хотите, пожалуйста, это ваше решение. А я выясню все для себя.

Пуговицы закончились, а Мариус так и не пошевелился.

– Да ну тебя! – я рванула платье вверх, одновременно разворачиваясь к нему спиной, натянула ночнушку и зарылась под одеяло.

Слышала, что он не сразу разделся, так и подмывало оглянуться, но я держалась. И пока дожидалась его посягательств на край кровати, провалилась в сон.

Глава 5, где потерянный ключ толкает к действиям

Дежурство нашего класса в кухне подкралось незаметно. Хорошо хоть, что мы отправились туда без парней. Самара постучала в дверь раньше, чем я успела проснуться, и нервно дожидалась в коридоре, пока я почищу зубы и застегну все мелкие пуговицы на сером платье.

Соседа в комнате не обнаружилось. Видимо, он встал раньше и не потрудился разбудить меня.

Неужели так обиделся? Было бы на что. Я ведь сказала чистую правду.

– У тебя есть свой ключ? – посмотрела на Самару, приотворяя за собой дверь.

– Нет, конечно. – Она пожала плечами. – А мне зачем?

– Мариус вчера заперся изнутри. А сейчас его нет, думаешь, можно оставить открытой?

– Бесспорно. Мой вообще не запирает – ни днем, ни ночью.

– А я и не спрашивала ни разу, с кем ты живешь?

– Вот и не спрашивай! Все они одинаково противные.

– Не может быть! – вырвалось у меня против воли.

– Да говорю же тебе, – продолжила подруга на своей вол-

не. – Отказывался спать на полу, представляешь! Опять ныл, что ему холодно, видите ли. А мне что делать? Вообще не спать и следить всю ночь, чтоб не надругался?

– А почему нельзя по взаимной симпатии расселиться?

– Совместимость, Рени. Забыла? Да и нет их, симпатичных.

– А старше? Или младше?

Самара остановилась на ступеньке и пыталась что-то разглядеть в моих блеклых растерянных глазах, будто я сморозила откровенную чушь.

– И что тебя все на приключения-то тянет? – наконец выдохнула она как на духу. – Будут тебе в следующем году и постарше. И сильно постарше. И... – Она внезапно всхлипнула, и удивленно поймала пальцами слезы на щеках. – Даже думать не хочу.

– Боюсь представлять, что тут у вас за половой беспредел творится, – с круглыми глазами, я пыталась подбодрить подругу, поглаживая по плечу. – Пожалуй, выбрать из ровесников не самый плохой вариант.

– Без вариантов, – отрезала Самара, вмиг став спокойной и серьезной. – Но я видела, как он на тебя смотрит.

– Кто?

– Ой, не притворяйся, Рени. Я допускаю, что ты чего-то не помнишь, но уж точно все прекрасно понимаешь, – заявила она и добавила с нотками досады. – Мариус, конечно.

– И как же? В смысле, какая разница? В плане, ты ведь с

ним... Ах вот оно что.

Кровь, насыщенная странной комбинацией гормонов, ударила в мозг, вызывая волну злости и негодования. Все-таки я была права!

– Это действительно неважно, – согласилась Самара.

– Нет, теперь это важно, – заявила, останавливая ее от побега в кухню, к дверям которой мы подошли. – Ты поэтому со мной подружилась? Он тебе нравится, а меня к нему поселили.

– Да вот еще! Я похожа на идиотку, которая будет парня преследовать?

Я оглядела подругу с головы до ног и невольно пожала плечами.

– И секрет у вас тоже есть? – Я сглотнула что-то соленое, вдруг оказавшееся в горле.

Детский сад! Как же странно чувствовать себя в этом молодом теле! Будто мозг не просто отключен, а подчинен забытой биохимии. Глупость и отсутствие всякой естественной логики и житейской мудрости в дополнение – будто их никогда и не было. Разве это нормально для души, которая помнит себя взрослой адекватной женщиной? Или не помнит, а бредит...

– Секрет только у меня. И я надеюсь, ты ему ничего не расскажешь. Понятия не имею, как тебе удалось из меня это вытянуть, – Самара растерянно перевела дыхание. – Идем, Рени, не хватало нам еще из-за парней ссориться. У меня

раньше не было подруг. Я сама по себе.

– Думаешь, он со всеми? – Я согласилась с ней где-то внутри, и бешенство поутихло.

– Что со всеми? – Самара так и замерла, схватившись за ручку, а я на ходу втесалась ей в бок.

– Поговорим после дежурства? – Тут я поняла, что чуть не выдала себя с потрохами.

– А ну стой, Ренита!

Но я уже прошмыгнула в кухню, устремляясь к знакомой кучке одноклассниц.

– Теперь все, – женщина среднего возраста в белом фартуке поставила галочку рядом с моим именем на доске, служащей расписанием. – Ваши задачи, приступайте, – она постучала ребром ладони по деревянной поверхности.

Я старательно вчитывалась в задание, когда из-за плеча послышался голос Самары:

– Обвалочный цех, опять курей щипать!

– И у меня, наверное. – Я медленно повернулась к подруге. – Покажешь, где это?

– Не удалось тебе сбежать, да? – она победно хихикнула, схватила меня за локоть и поволокла в дальний угол огромной кухни между металлическими рабочими поверхностями.

И тут я увидела их! Пять огромных тазов перепелесых куриных тушек! К горлу подкатил мохнатый комок. Хорошо, что мы еще не завтракали.

– Рукава лучше засучить, – порекомендовала подруга, подвязывая свои специально предусмотренными ленточками.

Я напрасно понадеялась на мышечную память, так прекрасно выручившую меня в швейной мастерской. Кур я, видимо, никогда прежде не щипала! Или же не любила это дело. Но выходило из рук вон плохо. Ошпаренные тушки тошнотворно воняли мокрыми перьями. Пальцы тряслись и неловко подцепляли слипшиеся кончики. То ли мышцы еще не отошли от испытания луком и стрелами. Но в глазах попеременно мелькали зеленые и розовые пятна, грозя утащить в спасительную темноту.

Самара сочувственно косилась, но не приставала с расспросами, видимо, проникшись моими бытовыми страданиями. После седьмой тушки нас отпустили завтракать. И ели мы прямо в кухне, пристроившись на лавку вдоль стены у выхода.

Тарелка приятно грела ладони, превратившиеся в размокшие сухофрукты. Но ничто не скрашивало безобразного содержимого. Все то же сероватое месиво.

– Что хоть это за питательная смесь? – продемонстрировала Самаре тягучую жижу, смачно плюхнувшуюся с ложки обратно в тарелку.

– Точно, смесь, – засмеялась подруга. – Подорожник, желуди, овес. Если будет хороший урожай лещины, после заготовки будут добавлять и ее.

– В наше время такое не ели. Или я жила в другой стране.

– Ага, в древности выращивали больше злаков. Так откуда ты, говоришь?

– Я не говорила, – растерялась и очередную ложку проглотила с большим удовольствием.

– Да шучу я, Рени. Просто ты рассказываешь странные вещи. Забыть что-то – это одно. Но помнить вместо этого что-то другое, – она состроила неопределенную гримасу.

– Отведешь меня к ключнику после дежурства? Это тоже звучит странно, но мне, кажется, надо за запертую дверь. Плюс хранилище, – протяжно прошептала последнюю фразу.

– Ключ от книжек точно есть на руках, в прошлый раз не удалось конфисковать, – Самара наклонилась поближе. – Уверена, что парни его даже размножили, их учат в этом разбираться. А дверь сначала покажи. Мало ли куда ты решила влезть, – она поджала губы, будто собиралась разразиться нравоучениями. – И, Рени, если что, я этого не одобряю. Но мне очень интересно, что ты сделала с той занудой? Поэтому участвую, – она задорно подмигнула, доскребла тарелку и отправилась за работу.

Уж не знаю, какой была прежняя Ренита, но лично мне требовалось разобраться в происходящем. Пары этанола не могли сотворить таких стойких длительных галлюцинаций.

После обеда мы намывали огурцы и укладывали их по банкам и бочкам – я очутилась в самом разгаре сезона заго-

товок. А уксус и спирт, оказывается, сливали не зря.

Когда я взмыленная и уставшая еле волочила ноги после длинного дня на кухне, надеясь принять душ и проспать неделю-другую, Самара дернула за руку и безмолвно пошевелила бровями.

– Может, завтра? – взмолилась я.

Это в книгах герои без усталости расследовали преступления, не ели, не спали, а только бегали, прыгали и ловили злодеев. Я же искренне не понимала, где взять еще хоть капельку сил на мной же затеянную авантюру.

– Ты чего? Сейчас же! У нас дежурство, а значит мы весь день были под присмотром, – отрезала подруга. – Веди.

– Нам нужно алиби? – догадалась я, припоминая любимые детективы.

Но вот оказаться в роли преступника, которому оно понадобилось, никогда не хотелось. Я прикинула, куда бы свернуть, чтобы найти нужный закуток, но расположение кухни оставалось темным пятном на карте нового мира.

– От комнаты точно отыщу, – пообещала растерянно. – Веди ты.

– И когда ты успела налазиться по Им-Димен? – беззлобно возмутилась Самара. – Да еще и не разбирая дороги. Да еще и решила, что тебе обязательно надо туда, не знаю куда.

Тишина на жилом этаже убаюкивала, уговаривая отказаться от глупой бесполезной затеи. Подруга широко зевнула, я тут же повторила. Но отговаривать снова не стала, на-

деясь на ее собственную усталость и догадливость.

Распахнувшаяся на пути дверь чуть не влетела Самаре в лоб. Подруга вскрикнула, отправив вопль по всему обществу. А навстречу вышел взъерошенный Ильм. Синеватые глаза парня подозрительно сощурились.

– Вы чего орете? Заняться больше нечем? – Кажется, он испугался не меньше Самары.

– Пойдем, Рени. – Подруга метнула на Ильма свирепый взгляд, но не удостоила ответом.

– Захвачу полотенце, – подмигнула ей, чтобы не вызывать подозрений. – Ты тоже бери, и встретимся.

На миг показалось, что Самара прикопает меня прям в коридоре под заплывшим краской плинтусом. И за что на меня-то злится? Ведь сама же заявила, что нам требуется оправдание и свидетели на случай... мм, ну на всякий случай точно. Но тут подруга развернулась, так, чтобы увидела только я, и демонстративно прикрыла один глаз.

– Я за мылом и веревкой. – И твердым шагом продефилировала в приоткрытую дверь, за которую все еще держался Ильм.

Так вот с кем жила Самара!

– А веревка-то зачем? – удивился парень, растрепав свободной рукой волосы на затылке.

– Чтобы не утонуть, – буркнула я и поспешила в комнату по соседству.

Как и с утра, там никого не оказалось.

Избегает он меня, что ли? Впрочем, так даже лучше. Никаких лишних претензий и бессмысленных разговоров.

Я собрала банные принадлежности в тканевую торбу с плетеным шнуром и отправилась ждать Самару в коридор. Но подруга уже подпирала стену около комнаты. Я махнула головой в сторону, призывая ее следовать за мной. Самара тяжело запыхтела, будто это я заставляла ее блуждать по цитадели после каторжного рабочего дня.

Вот уж не знаю, что хотел сказать всеми этими переходами и лестницами архитектор, но как по мне, можно было спланировать здание чуть более линейно. Тем не менее, я довольно быстро отыскала неприметный холл с замызганным окном во всю стену. Оно открывало вид на скамью с бетонными опорами и узкую дорожку под скромной аркой.

В стороне от запасного выхода вниз уводила непривычно широкая лестница. А через пролет нашлись и те самые двустворчатые двери со стеклом и блестящей ручкой со скрытым изъёмом.

– Это здесь, – я взглянула на удивленную Самару, которая всю дорогу сохраняла молчание. – Мне туда очень надо.

– Слышишь, как тут тихо? – подруге не удалось скрыть дрожь в голосе.

– И что с того? – я пожала плечами.

– Ты видела вазоны перед тем холлом? Они загораживали путь. Это крыло законсервировано. Сюда не ходят. И нет смысла отапливать зимой лишние площади.

– Совсем? А я было понадеялась, что и хранилище окажется здесь.

– Нет, Рени, хранилище в подвалах библиотеки, перед спуском в бункер. Но к ключнику просто так не вломишься в любом случае. – Она наклонилась к ручке и внимательно взгляделась в замок. – Завтра я пойду на практику в теплицы, когда ты будешь шить. Там девчонка из другого класса как-то обмолвилась, что у нее есть способ открывать запертые двери, и похвасталась, что читает старые книги. Иногда она пересказывает истории и придумывает свои. Может, и привирает, но я узнаю. А ты выясни у ши Наталис про ключи от комнат. Вдруг, удастся в обход Арелии обратиться за копией и заодно стащить связку от этого крыла.

– Ого, вот это план! – я искренне восхитилась ходом мыслей подруги, а рот расплылся в счастливой улыбке.

– Все, пойдем скорее отсюда. Душ нам действительно не помешает.

Я вернулась в комнату обессиленная, но приятно чистая. Ноги гудели после долгого дня, но внутри поселилась некоторая удовлетворенность, ведь механизм закрутился.

Мариус бесцеремонно дрых на животе посреди кровати, обняв обе подушки руками. Мне бы тоже упасть в позу звезды и отключиться, но за комфортное местечко предстояло побороться.

Переодевшись, я попыталась незаметно перелезть через спящее тело, чтобы со своего законного места отодвинуть

его к краю. Но сосед почувствовал мои намерения. И как только я перевалила ногу и руку, оказавшись на четвереньках, он засопел, заворочался и выбил из равновесия. Я распласталась на груди, которую он успел подставить, и уткнулась носом ему в шею. Уперев ладони в подушку, я отодвинула лицо насколько могла и встретила внимательный янтарный взгляд.

– Ой, – вырвалось непроизвольно.

И я хотела было перекатиться на бок к своей половине кровати, но оказалась крепко зафиксирована его рукой. Мариус приподнялся на втором локте и непозволительно приблизился к губам. Я снова безрезультатно дернулась.

– Отпусти, – прошептала абсолютно напрасно, ведь задела его губы.

Волна колких мурашек раскатилась от места соприкосновения до самых пяток. Мариус напрягся, а в глубине радужки, захватывая зрачок, зародился хищный огонек. Парень рывком опрокинул меня на кровать и прижался к губам. Порывисто, неумело, но оттого лишь разжигая неуместное желание. На миг поддавшись помешательству, запустила пальцы в его волосы и лизнула губы. А опомнилась, только когда он прервал глубокий страстный поцелуй, переместившись на шею, в то время как горячие руки искали способ содрать с меня спальное платье.

Судорожно пытаюсь решить, стоит ли во второй раз нарушать договоренность или из женской солидарности воздер-

жаться, я замерла. Скованное раздумьями тело тут же перестало быть податливым, что не ускользнуло от Мариуса. Парень тяжело выдохнул и привалился с боку, упершись лбом мне в плечо. Бедром я чувствовала его твердую готовность ко всему.

– Что-то не так, да? В прошлый раз ты делала...

– Нет, – я буквально перебила его. – Просто нам не стоит увлекаться.

– Чего ты боишься? – Он поднял голову, заглядывая мне в лицо.

– Нечего мне бояться, – фыркнула, бросив вызов его взору. – Ты со всеми умудряешься развлечься, да, Мариус? Я знаю, что у девчонок между собой договоренность не делать этого ни при каких обстоятельствах. Но с тобой все иначе?

– В чем ты меня опять пытаешься обвинить? – он аж подпрыгнул и уселся на край. – Все это со мной впервые. Ясно? Это у тебя там в мыслях другой. Опять его представляла, да, Рени? – Мариус вскочил на ноги и, схватившись за голову, обратился с последней фразой к самому себе. – И что вообще на меня нашло? Спал же спокойно, никого не трогал. Нет, опять эта девчонка.

– Я понятия не имею, кем он был и каким, – пролепетала себе под нос, но он услышал. – А у Рени, ты, очевидно, первый. Она соблюдала договоренность. А я ее нарушила.

– Совесть мучает?

– Может, и так, – огрызнулась я чуть громче.

– А меня ничего не мучает, Рени, – все еще обуреваемый эмоциями, сообщил Мариус. – Только схожу с ума при мысли, что тебя заберут.

Он вылетел наружу, хлопнув дверью так, что в засыпающем Им-Димен, наверняка, посыпалась старинная штукатурка в каждой комнате. А я осталась, огорошенная его неловким признанием. Нет, он и раньше заявлял нечто подобное, но контекст терялся. Теперь же я уверилась в мысли, что парень не желал новой смены. Со мной ему перепал запретный плод, которым не хотелось делиться. Следующая девочка снова прогонит спать на пол.

Я отвернулась к окну и пыталась прийти в себя после неожиданно жаркой сцены. Но губы все горели, а в голове крутились последние слова Мариуса.

Прохладный воздух щекотал скулы. Упавшие на лоб волосы шевелились в такт торопливым шагам. Тканевая маска на лице давно стала привычным аксессуаром. Я не жаловалась, когда их ввели в повседневную жизнь, ведь на работе облачалась и похлеще. Перчатки и очки были на мне почти всегда, а вид респиратора зависел от опасности манипуляций.

Я подошла к воротам, покрепче запахнув полы любимого пальто – порывы ветра на открытой местности пробирали до костей. С правой стороны здания оставалось непростительно большое поле. При ужасающей плотности застройки в других районах, землю под университетом продать не мог-

ли. Иногда я с благоговейным трепетом воображала, какую же площадь под поверхностью занимало любимое место работы. Тянущее из меня кровушку, но любимое!

Бледная оштукатуренная арка, каждый раз пропуская меня на территорию, возвращала в воспоминания далекого детства, когда родители водили в парк с аттракционами через похожую массивную ограду.

Перед глазами закрутились карусели с красочными зонтиками над сиденьями. В уголках выступили слезы от захватывающей скорости. Воздух проникал под ситцевое платице, отчего пальцы на ногах зябко подгибались в поисках уютного теплого местечка.

Я отчаянно мерзла, упиваясь собственной беспомощностью. Окоченевшие руки отказывались искать одеяло. Свернувшись калачиком на середине кровати, я ощущала себя одинокой травинкой посреди ледяной пустыни.

Нехотя разлепив один глаз, я обнаружила приоткрытое окно.

– Совсем, что ли, решил меня со свету изжить? – В неистовом возмущении соскочила с кровати и с грохотом возвратила раму на место.

– Да что ж тебе не спится-то? – проворчал Мариус из своего кокона на полу.

– Мама! – Я молниеносно развернулась и ударилась ногой о ледяную батарею. – Ты здесь?

Не обнаружив соседа в постели, искренне решила, что он

встал пораньше и покинул наше скромное жилище. Но не тут-то было!

– Ты бредишь, что ли, со сна? – Мариус недовольно уселся и пригладил челку на бок. – Или новая стадия неузнавания началась?

– Дурак ты, Мариус, – ляпнула в сердцах, растирая замерзшие ладони и ушибленную коленку одновременно.

– Это мы еще вчера выяснили, – обреченно констатировал сосед.

Я открыла рот, чтобы спросить, чего это он разлегся на полу, но передумала. Все же понятно – обиделся. Но где-то в глубине морозным узором приклеилась паутинка, пытаюсь связать разрозненные мысли и противоречащие выводы. Или это я так из-за холода себя почувствовала?

– Челюсть свело? – осведомился любитель проветривать, разглядывая мое замешательство и кутаясь в теплый плед.

– Окно-то для чего нараспашку оставил?

– И какая тебе разница, Рени? – неожиданно огрызнулся он.

– Вот дам дубу в твою смену! – пригрозила, на самом деле растратив весь запал, но добавила для порядка. – Тогда посмотрим! Пойду лучше узнаю, что там за это в уставе прописано.

Натягивая невзрачное серое платье, решила, что лучше дошью белый воротник, чтобы разбавить унылый наряд, да воспользуюсь планом Самары, чем изучать дисциплинарные

наказания. Пояс на бант, торбу на плечо – курс на выход.

– На завтрак хотя бы сходи, – посоветовал Мариус, завязывая тесемки на поясе.

Неопределенно хмыкнув, протиснулась в коридор. Ишь, сразу какой заботливый! А ведь я всего лишь припугнула скорой кончиной.

И так как я узнала, где и с кем проживает единственная подруга, тут же принялась колотить в соседнюю дверь. Ввиду отсутствия какой-либо реакции, навалилась на створку. Но вдруг, вспомнила, как Самара рассказывала, что они никогда не запирались. Дернула ручку на себя, и дверь удивительно легко поддалась.

– Самара, Ильм? – позвала с порога, все же вламываться с утра пораньше в чужие спальни в мою привычку не входило. – Я тут подумала, мне срочно надо узнать, где раздобыть часы? Или у вас для этого какой другой гаджет имеется?

– Уже подъем? – послышался голос Ильма совсем не оттуда, откуда я ожидала. – Дрю, ты, что ли?

Любопытство заставило вытянуть шею и частично просунуться внутрь. В правом углу на сдвинутых вплотную письменных столах, укутавшись в одеяло, широко зевал Ильм. К импровизированной кровати был придвинут стул, где аккуратно – мысок к мыску, пятка к пятке – возвышались кожаные ботинки. В левом углу комнаты, зарывшись головой под подушку, досматривала сны Самара.

– Это Ренита, – махнула обеими руками в сторону откуда

явилась и растерянно добавила. – Соседка ваша.

Медленно возвращаясь в реальность из мира грез, Ильм удивленно рассматривал незваного гостя в моем лице.

– Ты это, – вдруг растерялся парень. – Только не говори никому!

– О чем именно? – брови поползли вверх. – Двери тогда запирайте! И никто не узнает.

– Вы там серьезно сейчас? – пробурчала Самара из своего укрытия. – Все знают все и даже больше.

Тут я перепугалась. В теле будто зажужжал рой пчел, создавая неприятное волнение и перебои дыхания.

– А разговор наш вообще, о чем? – робко выдавила, борясь с возникшим оцепенением.

– Да потерял я этот ключ! – признался Ильм. – Отрабатывать заставят.

– Ага! – обрадовалась Самара. – Вот и повод побывать у ключника!

– Да сдался он мне. И так хорошо! – воспротивился Ильм.

– Я сама схожу, – отрезала подруга. – И Рени с собой прихватчу.

– Жду в коридоре, – я поспешила покинуть разгорающийся спор, ведь внятной информации получить все равно не удавалось.

– Только попробуй, – слышалась приглушенная угроза из-за прикрытой двери. – Сама будешь болванку точить!

– Ах ты гад! Сам такой!

Я вздохнула и, закатив глаза, переместила пункт ожидания к своей двери. Вот еще, чужие перепалки подслушивать, мне своих хватает!

После занятий по расписанию мы с Самарой, вопреки намеченному плану сразу отправились в ключную. Крыло, в котором я прежде не бывала, встретило тишиной. На стенах иногда мелькали старые репродукции известных художников в простых рамах и причудливые гербарии под стеклом. Боковая лестница привела под самую крышу. Витиеватая кованая решетка с резными листьями на крученых стеблях преграждала вход на этаж, но открывалась легко, словно массивные петли идеально смазали перед нашим приходом.

Солнечный свет проникал сквозь большое сплошное окно, собранное из квадратных стекол в деревянном обрамлении. Вдоль стены крепились крупные верстаки, между которых темнели окованные по периметру двери в соседние помещения. А напротив окна настоящей витриной цеплялись за причудливые крюки и неприметные гвоздики связки и одиночные ключики. Другие ключи прятались в закрытых шкафах, там на брелоках пестрели неразборчивые надписи.

– Никого нет? – прошептала, глядя на подругу.

– Ним Юлий! – позвала она.

Но я быстро схватила ее за руку и приложила палец к губам.

– Давай посмотрим сами. Или ты как планировала подо-

брать ключ к той двери?

Самара пожала плечами и боязливо огляделась. Мне тоже не хотелось добывать желаемое хитростью. Но, похоже, обстоятельства толкали нас к совершенно определенным действиям. Рядом с каждым крючком прямо на стене чернели выжженные буквы. Почерк оставлял желать лучшего. Я разобрала номера этажей и учебных классов. Нашлись столбцы «Оранжерея» и «Котельная», где без всяких пометок размещались разные связки.

– Вот оно, – неожиданно шикнула Самара, указывая на запертый шкафчик. – «Заморозка». Гляди, там, в самом низу маленький ключик «Нижние уровни».

Мы прижались носами к стеклу, рассматривая простой серебристый ключ с выцветшим пластиковым брелоком на небольшом колечке. Всего несколько треугольных зазубрин и одна ложбинка по носику. Такой обыкновенный, но недосягаемый!

– Вы чего там облизываете? – неожиданно громкий удивленный возглас заставил нас обеих вздрогнуть.

– Ним Юлий, – первой пришла в себя Самара. – Так все интересно!

Я развернулась и рассмотрела высокого широкоплечего мужчину с аккуратной растительностью на лице. Веселые морщинки из уголков глаз ползли к вискам, словно пытаюсь пробраться в седеющий темный хвост на затылке.

– Кто прислал? – ключник сразу перешел к делу.

– Да мы сами. – Подруга сделала несколько шагов в сторону от шкафа, и я подвинулась следом. – Мой сожитель ключ потерял! – нагло пожаловалась она. – Теперь дверь не закрывается! А некоторые соседи бродят. – Тут я удостоилась укоризненного косога взгляда. – Мешают наш первостепенный долг выполнять!

Я чуть было не захохотала, но вовремя остановилась и сделала вид, будто подавилась слюной. Но Самара так вошла в роль, что мне пришлось еще и по-настоящему закашляться. Подруга участливо похлопала по спине, но продолжала эмоциональный поклеп.

– Мы пробовали стулом подпирать, но эти неугомонные намеков не понимают!

– Все дубли есть у меня, – успокоил распалюющуюся Самару мастер. – Но придется искать металл и делать копию.

– Да если надо, готова поспособствовать лично! – в сердцах пообещала она.

– Соседу вашему распределение в наряд сделаем.

Он вынул необходимый журнал из ящика одного из верстаков, записал номер комнаты и имена проживающих, и пообещал разобраться.

– Чуть не попались, – дрожащим голосом озвучила Самара мою мысль. – В следующий раз отговори меня! А то теперь ноги трясутся. И руки!

Мы вышли из узкого коридора недалеко от класса с теплицами.

– Ну уж нет. Все или ничего! Доведем дело до конца. – И я подтолкнула ее в нужном направлении. – Иди, выясняй остальное. А я воротник дошью. Надоел мне этот угрюмый наряд.

– И зачем я с тобой связалась? – проворчала подруга.

Ответ не требовался, ведь мы его уже выясняли ранее. Самара демонстративно тяжело вздохнула, развернулась ко мне спиной и решительно рванула по коридору. Я же поднялась этажом выше и отыскивала швейную мастерскую.

Ши Наталис увлеченно вспарывала маленьким ножичком средний шов на потертых брюках. За столами устроилась компания незнакомых девушек. И я уж было растерялась, когда с места у окна весело махнула рукой Вита. Я бочком пролезла к ней и вытащила почти законченное изделие.

– Вязать не будешь? – Ее глаза цвета грозового неба удивленно округлились. – Воротник на парах же можно доделать.

– Зато смотри, как освежает, – я приложила аксессуар к вороту платья.

– У-у-у, – протянула Вита. – И почему всем не выдают?

– Сейчас узнаем, – я подняла руку и окликнула преподавателя. – Ши Наталис, можно ведь воротничков на всех нашить?

– Можно, – улыбнулась она. – Еще бы ткали так же быстро, как вам в голову приходят наряды.

– Свяжем! – обрадовалась Вита. – Или соткем прямо из шерсти.

Остальные рукодельницы одобрительно зашумели – идея всем понравилась.

– Я видела в библиотечной книге по истории кружево на древних костюмах, – поддержала девушка, показавшаяся мне старше всех, но я не припоминала ее в нашем классе. – Жаль не сохранилась технология.

– Мы всегда можем подключить фантазию и изобретательность! – подсказала ши Наталис и воодушевленно взмахнула. – Предлагаю сделать коллекцию к осеннему празднику.

Девушки еще сильнее обрадовались, а мне закралась в голову замечательная мысль.

– Ши Наталис, неужели ни в одной книге не нашлось описания хотя бы одной техники кружевоплетения? – попыталась я заглушить поднявшийся гомон, разговор удивительным образом потек в необходимом направлении.

– Ох, если бы я видела их сама, – всплеснула руками ши, заламывая кисти. – В любом случае данное знание не является первостепенной необходимостью. Ткачество, пошив одежды, прядение и вязание – важны для выживания вида. Прикладное творчество – лишь развлечение. Все развлекательные книги отправлены в хранилище, дабы не отвлекать нас от дел насущных.

– Да мы целыми днями выживаем! – возмутилась я, будто провела в Им-Димен не несколько дней. – Жить-то когда? Можно ведь хоть немножко? Раз в недельку?

– Я живу, – заявила Вита. – Особенно тут, когда делаю то,

что мне нравится.

Преподавательница растроганно кивнула.

– А те дома за оградой, неужели там не сохранились книги? – добила я под шумок.

Но вопреки моим ожиданиям, девушки как по команде примолкли и теперь косились на меня настороженно.

– Ренита, разговоры о походах мы не ведем. Этим занимаются Верховные и разведчики. А им там не до девичьего рукоделия. Берут, что могут унести полезного.

– И что же, я не могу стать разведчиком? – потеряла логику в устройстве этой странной общины.

– Так парни же ходят, – удивилась худенькая брюнетка с тонкими губами за соседней партией.

– Но девушкам не запрещено?

– Не положено точно, – уже не так уверенно продолжала она.

– Ой, Рени, да, когда за грибами и желудями ходим большой группой, и то, как страшно-то! – поежилась Вита. – А ты говоришь, разведка! Пусть мужчины этим занимаются. Они и стреляют лучше, и бегают быстрее, и силы девать некуда.

– Все правильно, – подтвердила ши Наталис. – Наша главная задача – возродить численность. А думать, о чем не положено, вовсе не обязательно. Это дело Верховных, заботиться о том, что и как.

– Так может, нам вдохновения и не хватает! – мне требовалось хоть что-то возразить, не могла молча согласиться со

странными аргументами, предлагающими отключить мышление и предоставить эту функцию более достойным. – Для возрождения. Кто там у вас этот вопрос изучает? Эта профессия тоже не для женщин?

– Тебе не полегчало? – участливо вздохнула Наталис, видимо, припоминая нашу прошлую встречу.

– Не то чтобы очень.

– Ты права в чем-то, – преподаватель поймала особую чувственную волну грусти. – Настроение и вера в лучшее будущее – уже половина дела.

– Расскажите, ши Наталис, – подхватила я ее тон. – Расскажите мне, кем же я буду, когда весной закончится последний класс? Это тоже решают Верховные?

Девушки насторожились и углубились в работу, ведь не знали, что я, по версии Наталис, нанюхалась этанола.

– Ректор распределяет в соответствии с вашими желаниями и интересами. Списки подает куратор. Тебе надо обратиться к ши Арелии.

– Ты ведь будешь мастером пошива? – снова, широко распахнув глаза, уточнила Вита.

– Я, наверное, собиралась раньше, – и, чуть помедлив, разоткровенничалась окончательно. – А сейчас не понимаю. Будто тянет в сторону. Вопросы. Домыслы. Непонятные правила. Будто я могу подобрать ключ к выживанию. Но для этого недостаточно выучиться на швею и предоставить право мыслить другим людям. Словно надо искать.

Я замолчала. В маленькой уютной аудитории воцарилась такая тишина, что стал хорошо различим гул ветра за безжащими стеклами и далекий спор крошечных воробушков на желтеющей лиственнице во внутреннем дворике. Девушки, все как одна, недвижно воззрились на странную незнакомую Рениту.

Ши Наталис неловким взмахом стерла с щеки влагу.

– Все правильно, Рени, – подбодрила она. – Еще есть время подумать и поискать свое место. В швейной тебя ждут всегда. Я и забыла, как в юном возрасте порой вскипает кровь.

Ши Наталис улыбнулась и медленно подмигнула.

Глава 6, где тихая охота превращается в опасную погоню

Оказалось, что выходные от учебы вовсе не означали праздного безделья. Отдыхать коммуна либо не любила, либо не умела. Впрочем, я пыталась представить себя ничем не занятой, и не могла. В душе поднималась паника, и далекий голос отскакивал в черепной коробке, превращаясь в эфемерные слова: «Работай до результата, никогда не останавливайся на половине пути». Тогда внутри все подбиралось, сжималось в тугий комочек и готовилось трудиться на износ. Только результат мог послужить единственной оценкой работы. Только за заслуги разрешалось поощрение.

Дворовые, хорошо выдрессированные собаки в Им-Ди-мен всегда сопровождали отряд за ворота. На контрольно-пропускном пункте и днем, и ночью дежурили по графику. Ним Пирр отчитался за выход группы.

Пересекая массивную арку с залатанной штукатуркой, я окунулась в странные ощущения. Такие знакомые, но одновременно далекие. Воспоминания неуловимым облаком закружили на красочной карусели, но разглядеть хоть какую-то четкую картинку или связную мысль не удалось. Всего лишь дежавю. Всего лишь навязанный страх выйти в боль-

шой неизведанный мир, заросший лесом.

Нас сопровождали и другие старшие, так что отряд получился многочисленным. Самара держала меня под локоть, в свободной руке болталась плетеная корзина. Мариус все еще делал вид, что обиделся. Но я замечала его пристальные взгляды, будто сосед постоянно следил не только за мной, но и за моей тенью. У него за плечами пристроился тканевый рюкзак в цвет куртки, придающий лишний объем. А к нему, как и у всех остальных мужчин, плотно прилегал лук. Похоже, тренировались мы не просто так. А, охота предполагалась не только на грибы.

Мы прошли краем картофельного поля. Другая группа старательно отряхивала клубни от земли. Важно было убрать урожай, пока установилась солнечная погода.

– Тут недалеко, – поежилась Самара то ли от утренней прохлады, то ли от отсутствия забора. – Повезло, что много делянок рядом. Шампиньоны встречаются в ближайшем радиусе в изобилии. Вешенки попадают реже. А весной в низинах много сморчковых шапочек. Другие виды грибов обычно дальше. Сейчас везде земля и деревья. Но, рассказывают, что были дороги с покрытиями. На такие заманить благородную грибницу сложнее.

– А ты говорила, что с едой плохо, – припомнила я. – Вон какой простор для собирательства.

– Далеко не уйдешь. Да и часто выходить – опасно.

– Я так и не поняла, почему?

– Можно уйти с концами.

– Так вы и в застенках готовитесь к концу.

Поле закончилось, и мы двигались по утоптанной тропинке. Между стволов виднелись невысокие здания, непригодные для проживания. В окнах давно не было не то, что стекло, даже рам. Пустые проемы входов без дверей недружелюбно чернели.

– Жутковато, правда? – проследила подруга мой любопытный взгляд.

– Скорее, удивительно. Кто так мародерствует-то? Ты мне не все рассказала, и есть другие выжившие? Их вы боитесь?

– Хотелось бы встретить еще хоть кого-то, – мечтательно протянула Самара. – Может, и есть где-то люди, планета большая вроде бы. Потому и убрали подальше книги, чтобы мы не сильно-то уносились в мечты, а трудились над выживанием. А в детстве я все ждала, когда нас найдут и заберут в более успешную общину. Но, похоже, Им-Димен – единственная крепость.

– Не могли же люди не поддерживать связь друг с другом! Почему не известно точно?

– Далеко, Рени. Чего тут непонятного? С ближайших поселений все тут. А дальше, кто его знает.

– Телефоны раньше были. – При чем тут дальность расстояния, я действительно не понимала. – До мобильной связи – по проводам, но радио появилось еще раньше. Вот уж радиоволны точно не могли взять и испариться!

– Чего? – Самара удивленно хлопала своими ресницами-щеточками.

Тут уже и я растерялась. Как так-то? Неужели и правда не знает таких слов?

– Пугающее обстоятельство, – подвела итог собственным мыслям вслух. – Химию вы тут точно изучаете, хоть и на примитивном уровне. А о физике не слышали?

– Да не совсем мы тут дураки, Рени, – оскорбилась Самара. – Про закон тяготения в курсе. Да и электричество, надеюсь, ты замечала. Откуда же ты такая продвинутая на нашем примитивном уровне нарисовалась?

– Если бы я знала, то вернулась бы туда без промедления.

– Говоришь, будто здесь так уж невыносимо, – сникла подруга.

– Так что с радио?

– Я действительно не слышала раньше такое слово.

– Плюс еще одна загадка. Но я все выясню.

Тем временем заросли сгущались. Иногда мы подходили прямо к крошащимся стенам. Шершавые корни впивались в полуобвалившиеся козырьки и подоконники. То тут, то там из окон выглядывали молодые березки.

Поросший мхом мост перекинулся с края оврага на покатый склон со скошенной травой. Я огляделась и узнала бывшую транспортную магистраль. Ровные края с остатками бетонных оснований, плотный изумрудный ковер на многоуровневых развязках. Буйная растительность в некогда шум-

ном большом городе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.